

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 3

Содержаніе:

1924 г.

„Чья рука?“ — статья А. В. Чернявскаго.

„Крестъ противъ Красной Звѣзды“ — возваніе Т. Обѣра.

„Сильные духомъ“ — изъ воспоминаній о Л. Г. Корниловѣ — Проф. А. К. Баюва.

„Міровыя предсказанія знаменитой Дец Thèbes — Второй Тѣбъ о событіяхъ ближайшее время“.

„Ботфорты, шпоры и шпага“ — рассказъ ЕМЕ.

„Двѣ встрѣчи съ Керенскимъ“ — рассказъ Измайлова.

„Танецъ Черной Змѣи“ — рассказъ Мирры Надіи.

„Сказка о женахъ и молодой королевнѣ“ — Владиміра Гущика.

„Въ Гунгербургѣ“ — бытовая сценка на пляжѣ — Ивана Руден...

„Возвращеніе Тарзана“ — романъ Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

Театръ и Кино.

Мелочи. Копилка курьезовъ.
Эпиграммы.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

Лѣтній сезонъ.

Послѣдній крикъ моды:

1. Легкое свободное платье, бѣлое съ лиловыми полосками.
2. Лѣтній костюмъ, бѣлый съ голубой отдѣлкой, съ пелериной и шарфомъ.

Даю уроки

нѣмецкаго языка

и приготавливаю дѣтей въ школу.
Немме, Narku tänav Nr. 7. R. S.
Отъ 10—2 ч.

Молодая дама владѣющая мѣстными языками ищетъ мѣсто

въ контору.

Предложеніе адресовать въ редакцію журнала „Эмигрантъ“,
Б. Іоакимстальская, 2, для Б. С.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/4 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. **Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.**

№ 3.

Іюль 1924 г.

І годъ изданія.

Крестъ противъ Красной Звѣзды.

Чья рука?

Нѣтъ, это, конечно, не случайность. Есть нѣкто въ мірѣ, кто имъ помогаетъ.

Они пришли къ власти замысломъ и золотомъ Германскаго Генеральнаго Штаба.

Сколько разъ послѣ этого петля подходила имъ подъ самое горло:

— Вотъ вотъ, кажется, конецъ.

Но каждый разъ:

Откуда ни возьмись, какія то скрытыя пружины двигаютъ въ помощь имъ огромныя международныя силы.

Кто нибудь да вытаскиваетъ ихъ изъ трясины. И вотъ—разбитые, сломленные, припертые къ пропасти, они получаютъ новыя средства и новое поле дѣятельности.

И—агонія затягивается.

Примѣры?

О, ихъ десятки.

1918 годъ.

Къ этому времени вполнѣ выявилось уже преступное лицо большевиковъ.

Казалось,—конецъ ихъ власти.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней союзники покончили съ ними въ Венгріи.

Троцкій сознался, что одной дивизіи достаточно было тогда, чтобы не было ихъ и въ Россіи.

Однако для тѣхъ, кто пожертвовалъ ради успѣха общаго дѣла миллионами людей, у союзниковъ не нашлось ни одного человѣка.

Побѣдители рѣшили:

„Лучше вмѣсто одного побѣжденнаго и разореннаго — два“.

И остались въ рукахъ большевиковъ вѣсками собранныя Русскія богатства и колоссальныя военныя запасы, а съ ними — исключительныя возможности и достиженія въ будущемъ.

1919 годъ.

Колчакъ на Волгѣ. Деникинъ у Орла. Здѣсь, въ Эстоніи, Сѣв. Зап. Армія, какъ разжатая стальная пружина, молніеноснымъ броскомъ—у воротъ Петрограда.

И вдругъ:

Мановеніе чьей то руки.

Въ Финляндіи выборы. Вмѣсто генерала Манергейма, рѣшившаго поддержку,—противникъ ея, ставленникъ социалистовъ. Презрительная похвальба большевиковъ: „Намъ обошлось это недорого, только около 1 миллиона рублей золотомъ!“

Изъ Архангельска вывезены уже всѣ заготовленные еще до революціи лѣсные матеріалы и... англичане уходятъ.

Въ Прибалтикѣ ихъ военныя представители дѣйствуютъ двусмысленно.

Бастуютъ англійскіе рабочіе, грузыящія снаряженіе для С.-З. Арміи. Бастуетъ англійскій флотъ.

Въ тылу армій работаютъ цѣлыя партіи щедро оплаченныхъ предателей.

И результатъ:

— Могилы, могилы, могилы.

А вѣдь теперь доподлинно извѣстно, что въ Москвѣ для головки и ядра компартіи стояли на готовѣ поѣзда для эвакуаціи на Уралъ и оттуда въ Среднюю Азію.

1920 годъ.

Врангель выходитъ изъ Крыма.

Разгромъ большевиковъ поляками. Съ ними идутъ части Національной Русской Арміи.

Дороги на Москву и Петроградъ открыты.

И вдругъ приказъ свыше:

„Остановитесь и заключайте немедленно миръ!“

— Зачѣмъ? Почему?!

„Намъ нужна Бѣловѣжская пуца, которую берегли и хранили Русскіе Цари, а Вамъ — валюта“.

1921 годъ.

Въ Россіи небывалый голодъ и морь. 15 милліоновъ буквально умираютъ. Грызутъ землю. Людоѣдствуютъ. Вопли о помощи.

А въ это время русское золото вагонами переправляется транзитомъ черезъ Эстонію дальше... на пропаганду.

Продолжается систематическое истребленіе всѣхъ наиболѣе продуктивныхъ слоевъ населенія.

„Пустяки! Уничтожатъ Русскихъ промышленниковъ и купцовъ — для иностранцевъ меньше конкуренціи; — инженеровъ, техниковъ, квалифицированныхъ рабочихъ — не бѣда — у иностранцевъ имѣется ихъ избытокъ“.

И вотъ начинается погоня за отобранными чужими землями, домами, фабриками, драгоценностями.

— Имнѣ! Имнѣ! Имнѣ! просить рядъ иностранныхъ промышленниковъ, концессионеровъ, банкировъ, министровъ, народныхъ представителей.

„И мнѣ!“ говоритъ король, искательно пожимая руку, на которой еще не высохла кровь убитыхъ мучениковъ родственнаго ему Императорскаго дома, кровь беззащитной царской семьи и невиннаго отрока Цесаревича Алексѣя.

„Всѣмъ, всѣмъ будетъ, только сохраняйте и берегите насъ!“ общаются, посмѣиваясь, большевики.

И сохраняютъ.

Зима 1923—1924 года.

Небывалый расколъ въ компартіи. Ленина нѣтъ. Деньги исчезли. Красная армія открыто волнуется. „Наслѣдники“ растерялись и спрятались.

И вдругъ:

Выигрышь въ 200.000 на коночный билетъ: въ Англіи Макдональдъ, ставленникъ 2 Гамбургскаго интернаціонала. Не ему, а онъ уже имъ общается признание, деньги и помощь.

Но Лондонъ — готовъ лопнуть.

Тогда опять — Рука. Во Франціи — Эррио. По русскому масштабу, — городской голова губернскаго города. Передъ этимъ онъ побывалъ въ Совѣтской Россіи „по коммерческимъ дѣламъ“ — и, въ результатѣ огромныхъ затратъ на выборы, онъ — премьеръ. И всѣ красныя усилія, вся внѣшторговая голь, шмоль, ноль и Ко., весь III интернаціоналъ, летятъ въ Парижъ... получать проценты на затраченный капиталъ.

— Разъ — случай. Два — случай. А три — дайте и нѣкоторую постоянно работающую Руку...

Кто же они?

Есть международныя акулы, для которыхъ деньги не пахнутъ.

И много Понтийскихъ Пилатовъ,

И много Лукавыхъ Иудъ

Христа своего распинаютъ

Отчизну свою продаютъ.

Есть слѣпой эгоизмъ и своекорыстная жадность отдѣльныхъ націй, непонимающихъ опасности для себя отъ постоянно пылающаго въ Россіи краснаго пожара и пытающихся всѣми силами отдалить срокъ освобожденія и возстановавленія Россіи.

Есть дьявольская Ось, въ которую вклинились всѣ разрушительныя силы всего міра.

Это III коминтернъ.

Это его рука работаетъ повсюду на пользу Сатаны, безбожья, убійства, грабежа, закабаленія.

Онъ работаетъ мечомъ, золотомъ и динамитомъ, взрывомъ складовъ и идей.

Онъ работаетъ ложью, клеветой, разложеніемъ и разрушеніемъ вѣрованій.

— Кто выдумалъ мерзость живой церкви въ Россіи?

— Кто купилъ вавилонскую блудницу, раскинувшую мерзкое торжище свое подъ сѣнью Константинопольскаго патриаршаго престола?

Кто пустилъ завѣдомо ложный слухъ объ отказѣ и отъѣздѣ въ Иерусалимъ Национальнаго Вождя Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича?

Чье золото покупаетъ голоса демократіи, оружіе армій и ложь печатнаго станка?

Чья рука работаетъ въ пользу дьявола вездѣ, во всѣхъ концахъ свѣта?

Это III Коминтернъ!

Это истина признана уже лучшими людьми Европы.

Печатаемое ниже воззваніе Теодора Обэра—знаменіе начавшагося прозрѣнія народовъ Запада.

Потребовалось крестная жертва Россіи и выстрѣлъ Конради, чтобы за-

жглась правда, и дрогнула ледяная стѣна равнодушія.

„Храбрый, имѣлъ онъ желѣзное сердце,

„Первый, кто въ утлой ладѣ выплыть рѣшился въ широкое море“...

Пусть же растетъ этотъ славный и великодушный починокъ:

— Крестъ противъ Красной Звѣзды. Освященный мечъ христіанства противъ врага Неба и человѣчества.

Да здравствуетъ братство Св. Креста и Священный Союзъ Народовъ!

Нужна смѣлость въ груди.

Ты къ врагу подойди.

И не будетъ коротокъ булатъ.

Александръ Чернявскій.

Воззваніе Обэра.

Знаменитый защитникъ Полунина и Конради, авторъ книги о большевизмѣ, швейцарскій адвокатъ Обэръ обратился съ воззваніемъ къ правительствамъ и народамъ всего міра въ цѣляхъ организаціи крестоваго похода противъ большевиковъ.

На это обращеніе Организационное бюро получило сообщенія о присоединеніи къ нему представителей цѣлага ряда странъ. Бюро полагаетъ, что наступилъ моментъ, когда слѣдуетъ, путемъ печати, довести это воззваніе до свѣдѣнія болѣе широкихъ круговъ читателей:

„Событія послѣднихъ лѣтъ доказали равнодушіе цивилизованнаго міра по отношенію большевизма, который, въ лицѣ III Коминтерна, однако является несомнѣнно угрозою какъ его нравственнымъ, такъ и его матеріальнымъ благамъ.

Семь лѣтъ коммунистическихъ опытовъ привели Россію къ нищетѣ, деморализаціи и религіознымъ преслѣдованіямъ и вожди Коминтерна поставлены въ необходимость распространить эти опыты на другія страны, если они хотятъ предупредить собственное крушеніе. Вотъ почему ихъ организаціи для революціонной пропаганды внѣ совѣтскихъ границъ постоянно поддерживаются, развиваются старательно и усилленно, несмотря даже на финансовую нищету совѣтовъ. Коминтернъ во всѣхъ странахъ преслѣдуетъ цѣль разрушенія порядка какъ экономическаго и социальнаго, такъ и нравственнаго и религіознаго. Онъ де-

морализируетъ молодежь въ Россіи и хочетъ сдѣлать то же и въ другихъ странахъ.

Слѣдуетъ организовать борьбу.

Борьба противъ этихъ разрушительныхъ силъ должна быть организована созданіемъ единаго фронта изъ всѣхъ людей различныхъ странъ, объединенныхъ въ рѣшимости защищать наиболѣе цѣнныя блага современной цивилизаціи. Большевизмъ это врагъ здоровой политической экономики и существующихъ церквей. Несчастная судьба рабочихъ въ СССР можетъ быть сравнима лишь съ нищетою хозлевъ и собственниковъ, которыхъ они ограбили, и духовенства, которое они преслѣдуютъ.

Поэтому мы и требуемъ въ борьбѣ съ темными силами Коминтерна сотрудничества Церквей и всѣхъ организацій нравственнаго порядка, а также и экономическихъ Союзовъ. Несмотря на успокоительныя завѣренія Совѣтовъ, Россія остается страной нищеты, голода и смерти. Мы хотимъ воспрепятствовать Коминтерну преслѣдовать свою разрушительную дѣятельность въ нашихъ странахъ и отечествахъ. Мы хотимъ вплоть до Россіи противопоставить преступному материализму и разрушительнымъ силамъ его освободительныя и созидательныя силы Добра. Мы увѣрены въ томъ, что торжество это не будетъ результатомъ непротивленію злу, а напротивъ лишь сильной и неутомимой контръ-атаки. Неужели въ

Европѣ не найдется болѣе борцовъ для такой возвышенной цѣли?

Какъ организовать борьбу?

Учрежденіемъ европейско-американской организціи для борьбы съ Коминтерномъ.

Чтобы этого достичь, мы сочли нужнымъ основать немедленно въ Женевѣ бюро для организціи и связи.

Бюро изучаетъ старательно тѣ силы, сотрудничество коихъ желательно. Силы эти существуютъ, но онѣ разсыяны и другъ друга не знаютъ.

Нынѣ же организуется сосредоточеніе всѣхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Коминтерна и вредныхъ проявленіяхъ этой дѣятельности въ области политической жизни и въ сферѣ соціальной, экономической, нравственной и духовной жизни различныхъ странъ.

Временное бюро, созданіе коего мы оповѣщаемъ и задачи коего мы обрисовали, должно быть обращено, возможно быстро, въ международный центръ для постоянной связи и информаций.

Уже и теперь слѣдуетъ указать на то, что, помимо связи и информаций, международный центръ организуетъ и контръ-

пропаганду. Агенты Коминтерна достигли совершенства въ искусствѣ усыплять и обманывать совѣсть словами и сладкими увѣреніями. Нужно обличать эту ложь. Центръ намѣревается содѣйствовать образованію парламентскихъ противобольшевицкихъ группъ, предпринимать шаги у членовъ Правительствъ и экономическихъ и политическихъ объединеній, представлять документальныя доказательства и поддерживать постоянную связь въ координаціи дѣятельности отдѣльныхъ національныхъ и противобольшевицкихъ группъ. Однимъ словомъ центръ долженъ взять въ руки руководство новаго крестоваго похода, направленнаго противъ исполнительнаго комитета Третьяго Интернаціонала.

И Европа и Америка уже пропустили слишкомъ много времени въ равнодушіи передъ большевицкой опасностью. Уже ядъ проникъ въ артерии соціального тѣла. Наступилъ часъ приступить къ безпощадной борьбѣ политической и нравственной. Помогите намъ!

Организаціонное бюро.

Подписаль Т. Обэръ, адвокатъ.

Genève, 13, rue de la Carraterie.

Сильные духомъ.

Изъ личныхъ воспоминаній о Л. Г. Корниловѣ.

Ген. А. К. Баіова.

Генераль Корниловъ былъ прирожденный воинъ.

На войнѣ онъ не выносилъ бездѣйствія.

Лишь только корпусъ, въ составъ котораго входила командуемая имъ 48 пѣхотная дивизія, получившая извѣстность подъ именемъ Корниловской, подчиняясь указаніямъ свѣше, приостанавливалъ свои боевыя дѣйствія, какъ Лавръ Георгіевичъ начиналъ тормашить и записками и по телефону начальника штаба и самаго командира, прося разрѣшенія двинуться впередъ съ цѣлью занять находящуюся впереди его расположенія, якобы, болѣе выгодную и крайне необходимую для обезпеченія его дивизіи или даже всего корпуса позицію, — какую либо высоту или населенный пунктъ.

Получивъ просимое разрѣшеніе и съ соотвѣтственнымъ ему искусствомъ добившись благополучнаго разрѣшенія поставленной имъ самимъ себѣ боевой задачи, генераль Корниловъ опять обращался къ своему ближайшему начальству съ просьбой о разрѣшеніи дальнѣйшаго наступленія.

И его просьбы были такъ настойчивы, его желаніе казалось было настолько обосновано, его рѣчь въ пользу предлагаемаго имъ рѣшенія была настолько убѣдительна, что командиръ корпуса лишь тогда отказывалъ генералу Корнилову въ своемъ разрѣшеніи, когда слишкомъ сильное выдвигеніе впередъ славной 48 дивизіи могло поставить въ затруднительное положеніе сосѣднюю по корпусу доблестную 49-ю дивизію, имѣвшую во главѣ болѣе

Балерина Московскаго балета Тамара Борисовна Бэкъ.

инертнаго, менѣе одержимаго стремленіемъ къ выступленію генерала П.

Въ 1914 году, 6 декабря, войска 24 корпуса въ составѣ 48 и 49 пѣх. дивизій и стрѣлковой бригады, во главѣ которой стоялъ мужественный генераль Деникинъ, находясь въ районѣ къ югу отъ Пильзно, получили приказъ перейти въ наступленіе на линію Ясло-Фриштины, а оттуда на Земигородъ-Берестфельдъ, лежащій по ту сторону Карпатъ.

Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ дней отступленія подъ давленіемъ превосходныхъ силъ, части 24 корпуса съ радостью приняли этотъ приказъ о наступленіи, видя благоприятное предзнаменованіе въ томъ, что днемъ возобновленія наступленія являлся памятный для всей императорской арміи день тезоименинъ Государя.

Какъ стрѣла, пущенная изъ туго натянутаго лука, двинулась впередъ Кор-

ниловская дивизія. Методично, солидно, постепенно, но настойчиво стала продвигаться, „желѣзная“ бригада, руководимая твердою рукою генерала Деникина. Увѣренно, спокойно шла за ними 49-ая дивизія состоявшая подъ начальствомъ маститаго георгіевскаго кавалера генерала П. резервъ корпуса.

Вскорѣ были взяты Фриштинъ-Ясло-Земигроды и 24 корпусъ безъ 4 стр. бригады, отозванной изъ его состава, для рѣшенія другихъ задачъ къ началу марта выдвинулся къ карпатскимъ переваламъ въ направленіи на Бартфельдъ, причемъ дивизія генерала Корнилова заняла проходъ у с. Градъ на шоссе Ясло-Бартфельдъ.

Съ 7-го марта наступленіе 24 корпуса было приостановлено: высшее командование находило, что достигнутые результаты достаточны для обезпеченія общаго положенія; къ тому же наступившіе сильные морозы и выпавшій глубокій снѣгъ представляли значительное затрудненіе для дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій.

Но какъ только генералъ Корниловъ получилъ приказаніе о приостановленіи дальнѣйшаго наступленія, какъ для него явилась крайняя необходимость продвинуться впередъ и занять болѣе выгодную, по его словамъ, позицію на крутыхъ высотахъ, лежащихъ впереди у села Зборовъ, верстахъ въ 7 отъ с. Градъ.

Два дня ген. Корниловъ настойчиво просилъ разрѣшить ему продолжать наступленіе. Два дня онъ доказывалъ, что его положеніе будетъ гораздо прочнѣе, если онъ продвинется впередъ и отброситъ противника, занимавшаго сильную Зборовскую позицію.

Наконецъ, 9-го марта желаемое разрѣшеніе было Корнилову дано, и онъ 11-го марта, какъ всегда тщательно работавши планъ своихъ дѣйствій, началъ наступленіе. Первоначальныя донесенія, говорившія о благополучномъ наступленіи, вскорѣ смѣнились сообщеніями о тѣхъ трудностяхъ съ которыми пришлось встрѣтиться войскамъ 48 дивизіи.

Однако донесенія Корнилова, по обыкновенію отличавшіяся краткостью, спокойствіемъ и нѣкоторой сухостью, безъ какихъ либо словесныхъ украшеній, говорили о твердомъ намѣреніи

Лавра Георгіевича довести дѣла до конца и дышали увѣренностью въ томъ, что это ему въ скоромъ времени удастся.

Два дня вела упорный и тяжелый бой Корниловская дивизія, а 12-го марта вечеромъ командиръ корпуса получилъ отъ начальника дивизіи, краткую, но выразительную телефонограмму: „Дивизія послѣ отчаяннаго штурма овладѣла Зборовскими высотами. Противникъ въ безпорядкѣ отступаетъ. Потери незначительныя. Ночью ожидаю со стороны противника сильной контръ-атаки. Укрѣпляюсь“.

А рано утромъ 13-го марта Корниловъ телефонировалъ: „Ночью Австрійцы произвели двѣ контръ-атаки. Позиція мною удержана. Потери съ обѣихъ сторонъ громадны. Передъ проволокой груды австрійскихъ тѣлъ. Наши окопы полны убитыми“.

Въ отвѣтъ на эту телефонограмму командиръ корпуса сообщилъ Корнилову, что онъ сейчасъ выѣзжаетъ въ районъ расположенія 48 дивизіи, чтобы на мѣстѣ дать необходимыя указанія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій и чтобы поблагодарить войска за проявленную ими доблесть и наградить достойныхъ.

Генералъ Корниловъ просилъ не пріѣзжать ранѣе 12 час. дня, дабы войска могли надлежащимъ образомъ встрѣтить командира корпуса и чтобы имѣть возможность выдѣлить тѣхъ, кто заслуживаетъ награды.

Въ указанный часъ командиръ корпуса генералъ Ц., вмѣстѣ со мною, бывшимъ въ то время его начальникомъ штаба, выѣхалъ на автомобилѣ изъ штаба корпуса въ с. Градъ, расположенное по направленію къ Зборову.

Пришлось ѣхать по шоссе.

Вскорѣ перевалили черезъ Карпатскій хребетъ.

Первоначально однообразная и скучная мѣстность, по которой мы ѣхали, не носила никакихъ слѣдовъ боя, но вскорѣ стали попадаться убитыя лошади, воронки отъ крупныхъ снарядовъ, мѣстами окопы, пострадавшій отъ артиллерійскаго огня лѣсъ и т. п. Прѣхавъ около 4-хъ верстъ, мы натолкнулись на проволочныя сѣти, преграждавшія шоссе. Онѣ были разорваны и проѣздъ былъ свободенъ.

Но мы остановились здѣсь, чтобы далѣе пройти пѣшкомъ по пути, по которому шла атака.

Пришлось подниматься на высокую и крутую гору. Она была покрыта мерзлымъ снѣгомъ, а густой лѣсъ, который росъ на ней, былъ оплетенъ колючею проволокой почти на вышину челоѳческаго роста.

Я, будучи тогда не старымъ человекомъ, съ трудомъ, опираясь на палку, поднимался на эту гору, на скату которой въ два ряда шли окопы, довольно сильной профили и во всѣхъ отношеніяхъ хорошо оборудованные.

И невольно тогда думалось мнѣ: „Если я теперь, безъ всякой ноши, съ трудомъ поднимаюсь на эту гору, то каково было ее атаковать подъ сильнымъ огнемъ австрійскихъ пулеметовъ.“

Какого уваженія, какой признательности заслуживаютъ эти незамѣтные „сѣрые герои“, которые, повинаясь голосу своей совѣсти, своего долга русскаго солдата, безтрепетно штурмовали эти сильныя, трудно доступныя и искусно защищенныя позиціи“.

По скатамъ этой возвышенности уже не видно было ни убитыхъ, ни тѣмъ болѣе раненыхъ.

Но въ голову лѣзла неотвязчивая мысль, что тѣхъ и другихъ здѣсь было много. Вспоминались слова телефонограммы Корнилова— „потери громадны“, и къ чувству благоговѣности передъ павшими присоединялась невольно дума: „За что въ своемъ сознаниі умиряли во множествѣ эти безвѣстные сыны Великой Россіи?“

Ихъ не гнали, поддерживая порывъ къ наступленію пулеметами сзади, ихъ не прельщали богатой добычей и даже высокой наградой. Въ своихъ дѣйствіяхъ они, въ силу русскаго благодушія и славянской безобидности, не руководились ненавистью къ врагу. Но они, эти безчисленные герои, безстрашно шли впередъ, смѣло глядя въ глаза смерти, только во имя трехъ святыхъ, которыя безмѣрно были дороги имъ и идея которыхъ выражалась въ священныхъ словахъ:

За Вѣру, Царя и Отечество!“.

Поднявшись на гору, мы вышли на довольно значительную ровную площадку, всю изрытую идущими въ разныхъ

направленіяхъ окопами, прикрытыми проволочными сѣтями.

Одни окопы, обращенные въ нашу сторону, были буквально наполнены мертвыми австрійцами, другіе, которые видимо были на скоро „перевернуты“ въ сторону непріятели, заполнялись многочисленными тѣлами нашихъ солдатъ.

Передъ проволочными загражденіями этихъ окоповъ и на самой проволоки лежало и висѣло большое число австрійцевъ съ проломленными головами— это были результаты дѣйствія ручными гранатами нашихъ славныхъ защитниковъ во время ночныхъ контръ-атакъ противника.

При осмотрѣ поля сраженія невольно обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что въ нашихъ окопахъ находилось много убитыхъ совсѣмъ молодыхъ солдатъ, отлично одѣтыхъ.

Какъ оказалось, эти люди принадлежали къ только наканунѣ боя прибывшему на пополненіе дивизіи баталіону новобранцевъ.

Не имѣя возможности, по недостатку времени, распредѣлить этихъ новобранцевъ, какъ это считалось необходимымъ, по частямъ дивизіи, генераль Корниловъ оставилъ ихъ въ видѣ цѣлаго отдѣльнаго баталіона.

Ожидая ночной контръ-атаки и готовясь къ ней, ген. Корниловъ, учитывая усталость войскъ, ведшихъ два дня тяжелый бой, поставилъ этотъ баталіонъ на одинъ изъ важнѣйшихъ участковъ позиціи.

Передъ этимъ онъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Корниловъ не былъ ораторомъ, онъ не отличался краснорѣчіемъ, но его слова, обращенныя къ солдатамъ всегда были энергичны, сильны, вели прямо къ сердцу его слушателей, ярко выявляя эту идею, ради которой онъ обращался къ солдатамъ.

И на этотъ разъ краткая, энергичная рѣчь Корнилова, призывавшаго молодыхъ солдатъ выполнить присягу, данную Царю и Родинѣ, воодушевили этихъ, еще ни разу не бывшихъ въ бою дѣтей Волжскаго края, и они поклялись, что свою позицію не отдадутъ ни при какихъ обстоятельствахъ. И они, во имя Царя и отечества, исполнили свою клятву и въ результатѣ позиція осталась въ нашихъ рукахъ, но она вся была покрыта трупамъ, умѣющими съ че-

Тамара Бэкъ

и ея балетная школа.

Артистка Московскаго балета Тамара Борисовна Бэкъ, находящаяся въ настоящее время въ Ревелѣ — ученица заслуженныхъ балетмейстеровъ Н. Г. Легата и Мордкина и хорошо известной москвичамъ балетоманамъ заслуженной артистки Гейтенъ.

Артистическую карьеру Т. Б. Бэкъ начала и съ успѣхомъ проходила въ Москвѣ, гдѣ служила въ Никольскомъ театрѣ, подъ руководствомъ такихъ силъ, какъ Легатъ и известный режиссеръ Петровскій.

Тамара Бэкъ была по конкурсу принята на сцену Императорскихъ театровъ и вмѣстѣ съ Н. Г. Легатомъ

совершила рядъ артистическихъ турнэ по Россіи.

Въ 1921 году прибыла въ Эстонию и 29 декабря того же года состоялись ея выступленія въ Нарвѣ, а затѣмъ въ Юрьевѣ и Ревелѣ.

Вскорѣ по прибытіи въ Ревель Т. Б. Бэкъ основала здѣсь балетную школу, въ короткое время заслужившую признаніе и симпатію публики и выдвинувшую рядъ обѣщающихъ юныхъ талантовъ.

Послѣдній вечеръ Т. Б. Бэкъ въ театрѣ „Грандъ-Марина“ привлекъ массу публики и вызвалъ по адресу талантливой артистки многочисленные вызовы и оваціи.

Балетная школа Т. Б. Бэкъ насчитываетъ свыше 30 ученицъ.

На страницѣ „Эмигранта“ воспроизведены снимокъ и фамиліи наиболѣе выявившихъ себя уже танцовщицъ молодой студиі.

Арруэтъ.

Ученицы балетной студиі Тамары Бэкъ: Вѣра Вилейская, Мира Миральда-Кеттеръ, Линда Мара, Кетти Кеттеръ, Инна Инлой, Рита Поола, Гильда Сааритъ, Проня Сигизмундъ, Агнеса Штейнбергъ и танцовщикъ Эрнстъ Рингенфельдъ.

стью умирать русскихъ солдатъ — крестьянъ, такъ еще недавно взятыхъ отъ сохи. Только глубокий патріотизмъ русскаго человѣка, являющійся плодомъ національнаго самосознанія, созрѣвшаго въ толщѣ всего народа, могъ подвинуть до сихъ поръ не героевъ на такое геройство.

Пока командиръ корпуса обходилъ позицію, часть дивизіи, свободная отъ боевыхъ обязанностей, была выстроена для парада, которымъ должно было сопровождаться торжество раздачи награды — георгіевскихъ крестовъ и георгіевскихъ медалей — вновь выявившимся героямъ.

Послѣ краткаго молебствія, командиръ корпуса произнесъ приличную случаю рѣчь, подчеркнувъ доблесть дивизіи, во главѣ съ ея начальниками; объяснилъ важность, сдѣланнаго дивизіей, обратилъ вниманіе на заслуги особо отличившихся и въ концѣ концовъ, отъ имени Государя Императора, поблагодарилъ дивизію за еще одно доблестное дѣло.

Затѣмъ были вызваны впередъ предназначенные къ наградамъ и каждому изъ нихъ генераль Ц. повѣсилъ на грудь вождельный крестъ или медаль, говоря, что дѣлаетъ это именемъ Государя Императора за вѣрную и доблестную службу ему и Родинѣ.

Смущаясь и какъ-бы конфузясь, подходила большая часть награждаемыхъ къ командиру корпуса.

Не было замѣтно блестящей строевой выправки, того, что называется „бравымъ молодецкимъ видомъ“, но

всѣ лица были спокойны, походка нѣоколько вялая, какъ бы усталая, но взглядъ былъ твердый и въ немъ свѣтилось сознаніе исполненнаго долга...

Затѣмъ части дивизіи прошли мимо корпуснаго командира „церемоніальнымъ маршемъ“. Прошли стройно, довольно бодро, дружно отвѣчая на слова похвалъ и благодарности ген. Ц.

При этомъ прохожденіи, мнѣ лично бросился въ глаза крайне невзрачный видъ „героевъ“. Маленькаго роста, довольно неуклюжіе, съ головами, которые казались съ трудомъ подняты и повернуты въ сторону начальника, шли они не широкимъ шагомъ, не стараясь равняться и казаться „молодцами“.

Прострѣленные и обгорѣвшія ихъ шинели, примятые фуражки, истоптанные сапоги какъ-бы еще больше подчеркивали внѣшнюю невзрачность — и да простится мнѣ, — даже плюгавость знаменитой — Корниловской дивизіи.

И глядя на проходившіе части дивизіи, мнѣ тогда-же думалось: „Какой-же долженъ быть духъ у этихъ людей, какая должна быть у нихъ моральная настроенность, какой силой воли они должны обладать, чтобы при такой мало говорящей физической структурѣ, они могли совершать дѣла достойные титановъ?..“

И еще, какъ высоки, какъ святы, какъ захватывающи должны быть тѣ чистые источники, которые питаютъ этотъ Всевышній и Могучій духъ...

Но, помилуй Богъ, мы русскіе!“

А. Баювъ.

Міровыя предсказанія знаменитой прорицательности Deux Thèbes — Второй Тѣбъ о событіяхъ на ближайшее время.

(Продолженіе и окончаніе).

Во Франціи, въ первые мѣсяцы года, разовьется партійная борьба съ большей горячностью, чѣмъ когда-либо передъ тѣмъ, и выразится, главнымъ образомъ, въ борьбѣ двухъ теченій: консервативнаго и революціоннаго. Выборная компанія не будетъ происходить при нормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе весьма важнаго денежнаго обстоятельства, которое вызоветъ неудовольствіе

массъ, такъ что враги Франціи снова поднимутъ головы. Это, однако, въ короткое время пройдетъ, несмотря на смѣну власти къ худшему. Потому несчастные, свѣденные съ пути чужой агитаціей, раздуютъ движеніе, которое нужно будетъ подавить съ неумолимой строгостью. И потечетъ кровь и слезы въ французскихъ семьяхъ. Послѣдствія этихъ потрясеній отзовутся,

непосредственно на экономической жизни Франціи и дороговизна, которая уже замѣтно уменьшилась, снова увеличится.

Однако надъ этимъ сплетеніемъ честолюбіи и страстей поднимется желѣзная рука, горячо поддержанная всѣмъ народомъ, которая и принесетъ Франціи въ политической и социальной жизни желанное успокоеніе. Также и въ другихъ отрасляхъ перспектива не утѣшительна. Въ началѣ года будутъ большія наводненія на западѣ и юго-западѣ страны. На югѣ въ лѣтніе мѣсяцы разовьется страшная эпидемія, которая унесетъ много жертвъ. Въ окрестностяхъ Парижа въ первые пять мѣсяцевъ года будетъ желѣзно-дорожная катастрофа, съ большимъ числомъ пострадавшихъ. Въ то же время ужасно взволнуетъ населеніе пожаръ Парижскаго общественнаго зданія съ большимъ количествомъ посѣтителей. Будутъ великолѣпныя похороны при участіи почти всей столицы: умретъ великій вождь, одинъ изъ тѣхъ, кто во время войны сохранилъ свѣтъ и цивилизацію. Появятся театральное произведеніе, триумфальный успѣхъ котораго напомнитъ успѣхъ лучшаго произведенія Ростана. Одинъ великій художникъ, всѣми любимый, неожиданно отойдетъ въ вѣчность.

Въ Англии въ началѣ года рабочая партія достигнетъ небывалыхъ успѣховъ, благодаря досегодняшней политикѣ буржуазнаго правительства и острому кризису, переживаемому промышленностью. Однако программа вождей этой партіи не окажется незатронутой новыми разрушительными элементами, которые въ концѣ концовъ приведутъ къ выступленіямъ разлагающаго и революціоннаго характера, одного происхожденія и въ одно время, какъ и движеніе, поднятое во Франціи приверженцами анархіи. Въ Английской общественности, благодаря вліянію вождей революціи, прозойдутъ глубокія измѣненія, доходящія до крайностей, что не обойдется безъ горя и смуты. Куда денется то могучее единство Британской имперіи, которое соединяло до сихъ поръ столько расъ и жителей. Только благодаря вліянію англійской природы, медленно снова побѣдитъ реакціонное направленіе и много времени

пройдетъ прежде, чѣмъ судьба приведетъ народы гордаго Альбіона на прежнюю высоту.

Въ Германіи разложеніе имперіи, постоянно увеличивающееся со дня заключенія перемирія, въ первые мѣсяцы 1924 года достигнетъ прямо угрожающаго характера, однако это нисколько не уменьшитъ германскую ненависть къ Франціи и не ослабитъ надежду на отплату, таимую въ глубинѣ души. Республиканская идея дѣйствительно привьется въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, въ другихъ же открыто перейдутъ къ реакціи. Три—четыре диктатора въ демократическихъ маскахъ, ведомые, однако, личными стремленіями, будутъ разрывать на части имперію. Отношенія Германіи и Франціи останутся такими же сложными и неясными, какъ и до сихъ поръ.

Въ отмѣченномъ выше большомъ революціонномъ движеніи рабочихъ во Франціи и Англии, Германія не приметъ участія, но все же попытается использовать ослабленіе и смятеніе обоихъ народовъ, связанныхъ міровой войной, чтобы освободиться отъ французскаго контроля. Однако такое положеніе не останется неизмѣннымъ. Нѣмецкіе коммунисты, при помощи Совѣтовъ, овладѣютъ востокомъ имперіи, при чемъ произойдутъ безчинства и кровопролитія, напоминающія своей жестокостью страшныя явленія большевитской власти въ Россіи. Только въ 1925 году намѣчается тамъ приходъ новаго режима.

Италію ожидаетъ въ началѣ года счастье и слава. Желѣзная рука сумѣетъ тамъ и далѣе подавлять всякое сопротивленіе. Произведено будетъ неудачное покушеніе, при которомъ однако пострадаетъ много невинныхъ. Затѣмъ большой черный флагъ разовьется надъ Римомъ въ знакъ явной народной печали, которая все же не остановитъ возраженія Италіи. На вершинахъ семи холмовъ запыхаетъ огромный пожаръ и Римское небо закроется дымомъ. Разыграется бой при шумѣ, трескѣ и сверканіи оружія и при дикомъ крикѣ, послѣ чего долгая тишина и плачь женщинъ. Судьба же отечества Данте не будетъ потрясена, ибо снова выдвинется спасительный диктаторъ, и зазвенитъ нѣжная пѣсня

любви и милосердія великаго поэта, голосъ котораго однако потонетъ во всеобщемъ разрушеніи. —

Испанію ожидаетъ столь же внезапное паденіе, какимъ былъ ея подъемъ. Тайныя ночныя собранія безпокойныхъ элементовъ, серьезныя вспышки. Последней меланхоліи—торжества въ Мадридѣ, провозглашеніе славы, иллюминаціи, фейерверки, ликованіе на встрѣчу новому вождю, доселѣ совершенно неизвѣстному и, къ удивленію, почти никакихъ войскъ при этомъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки будетъ много тревогъ при выборѣ президента, однако правительство своихъ принциповъ не измѣнитъ. Будутъ безпорядки въ Пенсильваніи и въ иныхъ мѣстахъ, при чемъ дѣло дойдетъ до перестрѣлокъ. Прекратится сдержанное отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ Лигѣ Націй и къ союзникамъ въ Мировой войнѣ. Удивительныя возмущенія будутъ возникать не на побережьи, зло лежитъ

внутри государства и выстрѣлы мѣтятъ прямо въ сердце.

На Балканскомъ полуостровѣ потечетъ много крови. Два трона рухнутъ. Возгорится великій бой. Балканская сопка снова пробудится къ дѣйствию. Въ средн. Европѣ, невыразимый трауръ.

И все же далеко къ Азіатскимъ границамъ проникаетъ заря. Въ Москвѣ умретъ человѣкъ, котораго миллионы по принужденію будутъ провожать на послѣднемъ пути, причемъ въ сердцахъ провожающихъ будетъ несравненно больше радости, чѣмъ сожалѣнія по поводу утраты. Затѣмъ карточный домикъ вдругъ рухнетъ и впередъ выступитъ генераль съ густыми усами, который себя особенно прославилъ во время войны съ Австріей, послѣ чего начнется быстрое возрожденіе этой страны.

Въ Китаѣ будетъ измѣнена форма государственнаго правленія и цѣлая доктрина, а несчастная Японія, такъ жестоко пострадавшая отъ землетрясенія, займется лѣченіемъ своихъ ранъ.

Ботфорты, шпоры и шпага.

Разсказъ.

Вновь зацвѣла черемуха. Воздухъ городского сада былъ пропитанъ запахомъ ея и свѣжей зелени, которая не успѣла еще покрыться пеленою тусклой пыли улицъ. Полдень, и садъ почти пустъ.

На одной изъ скамеекъ, подъ сѣнью молодой листвы стараго каштана сидѣлъ студентъ. Толстый фоліантъ литографированныхъ записокъ, повидимому математики, лежалъ на его колѣняхъ. Онъ невнимательно смотрѣлъ на страницы, испещренныя формулами, и поминутно отрывая взоръ, пристально глядѣлъ въ сторону садовыхъ воротъ.

Прошло около получаса. Въ открытыхъ воротахъ сада показалась молодая дѣвушка въ легкомъ свѣтломъ платьѣ. Густые, вьющіеся волосы, цвѣта красной мѣди, остриженные въ скобку, выбивались изъ подъ шляпы. Миловидное личико горѣло задорной веселостью.

Юноша поспѣшно закрылъ тетрадь и быстро пошелъ ей навстрѣчу.

— Алеша! Я только что встрѣтила Барсова и гуляла съ нимъ полчаса.

— Ты забыла, Лида, что обѣщала мнѣ придти сюда въ полдень, Я напрасно потерялъ время въ ожиданіи тебя, а у меня завтра экзамень по математикѣ. Что тебѣ за охота возиться съ этимъ болваномъ?...

— Ты опять нервничаешь, Алеша. Голосъ у тебя дрожитъ. Ты тоже забылъ свое обѣщаніе не ревновать меня. Мы оба свободны, и я пользуюсь своею свободою, благо отецъ и мачеха далеко у себя въ Одессѣ, а дѣлать мнѣ нечего: я сдала всѣ экзамены на курсахъ и черезъ недѣлю уѣзжаю въ деревню.

Алексѣй шелъ, опустивъ глаза, рядомъ съ веселою дѣвушкой, шаловливо качавшей сумочку.

— Алеша!

— Что?

— Алеша, вчера въ театрѣ Барсовъ игралъ роль Сирано въ пьесѣ Ростана. Онъ былъ великолѣпнѣе въ широкой шляпѣ, въ ботфортахъ, со шпорами и при шпагѣ. Мнѣ показалось, что я сразу, несмотря на его громадный при-

клеенный носъ, влюбилась въ него. Сегодня, во время прогулки я сказала смѣясь ему объ этомъ и спросила его, зачѣмъ онъ такъ себя обезобразилъ.

— Это по пьесѣ,—сказалъ онъ и любовно посмотрѣлъ на меня. Потомъ вынулъ записную книжку и написалъ на листкѣ. Вотъ прочти!

— Какой мерзавецъ! И ты, Лида, пойдешь на это постыдное свиданіе, у него на квартирѣ?

— Не на свиданіе пойду я, а на пробный урокъ декламации. Барсовъ предложилъ давать мнѣ уроки сценическаго искусства, въ теченіи будущей зимы.

— Помни, Лида,—если съ тобою случится что либо гнусное, я убью Барсова.

Лида посмотрѣла на Алексѣя и весело засмѣялась:

— Я представляю себѣ тебя, Алеша, въ ботфортахъ, со шпорами, при шпагѣ и въ широкой шляпѣ съ перомъ. И ударивъ рукою по запискамъ Алексѣя, Лида, захлебываясь смѣхомъ, почти крикнула:

— Вотъ твоя шпага! Убей насъ обоихъ!

Математика упала и листы разсыпались.

Алексѣй нагнулся, подобралъ листы и сѣлъ на скамью, мимо которой онъ проходилъ. Онъ тяжело дышалъ и грустно опустилъ голову на руки, упершись локтями въ колѣни.

— Алеша, я тебя очень люблю. Ты, милый, не сердись на меня, сказала она мягко, и вдругъ прибавила запальчиво: — Но я все таки пойду! Я непременно пойду! прибавила она, однако, менѣе рѣшительно. — Прощай Алеша.

* * *

Въ тотъ же день Барсовъ шелъ въ городской театръ, съ цѣлью попросить друга своего, костюмера, одолжить ему костюмъ Сирано на домъ, на сегодняшній вечеръ, подъ предлогомъ болѣе тщательнаго изученія, передъ зеркаломъ, нравившейся ему роли.

На обратномъ пути Барсовъ купилъ коньяку, вина, ликеръ, фруктовъ и конфектъ, и къ удивленію своей хозяйки, вдовы Степаниды Петровны, у которой онъ нанималъ комнату, вошелъ въ дверь съ двумя громадными пакетами.

Артистъ „Пестрой Маски“
К. Н. Брянскій.

Тотчасъ, не теряя времени, Барсовъ накрылъ ломберный столъ и тщательно разставилъ на немъ все имъ купленное. Потомъ улегся на тахту и сталъ мечтать о предстоящемъ свиданіи съ Лидой.

Въ комнатѣ хозяйки часы приближили половина седьмого.

Барсовъ быстро всталъ съ тахты, подумавъ: — Что если Лида Ивановна придетъ раньше, чѣмъ я успѣю одѣться?! Нѣтъ, молодья дѣвушки чаще всего опаздываютъ на первую встрѣчу. Но часы ея могутъ спѣшить. — Онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Сапоги съ ботфортами были тѣсноваты и наканунѣ, въ театрѣ, ему стоило уже большихъ усилий натянуть ихъ. Наконецъ, потѣя и волнуясь, онъ окончилъ свой туалетъ. Онъ былъ очень доволенъ своею наружностью, т. к. на этотъ разъ, конечно, не приклеилъ себѣ фальшиваго носа.

Въ это время Степанида Петровна вошла въ комнату съ какимъ то вопросомъ, но увидѣвъ Барсова, въ необычайномъ костюмѣ, жестикулировавшаго передъ зеркаломъ, всплеснула руками.

— Господи! Что это съ вами Василий Игнатичъ?

— Ничего. Сейчасъ придетъ артистка и мы будемъ репетировать въ костю-

махъ,—сказалъ Барсовъ заранѣе приготовленную на этотъ случай фразу.

— И ужинъ вижу я у васъ приготовленъ, какъ никогда.

— И угощенье накрыто по пьесѣ. Я люблю, чтобы на репетиціи, все было по настоящему.

— Ну коли такъ, то покойной ночи. Я вамъ, Василій Игнатичъ, мѣшать не стану.

Барсовъ продолжалъ стоять передъ зеркаломъ и въ полголоса, съ соотвѣтствующими жестами, произносилъ фразы, обращаемыя къ своей воображаемой партнершѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать Лидіи Ивановнѣ сюрпризъ, встрѣтивъ ее словами сцены, въ которой Сирано де Бержеракъ изливаетъ свои чувства предмету своей страсти, стоя подъ ея балкономъ. Временами онъ прерывалъ декламацию; нервно шагаль по комнатѣ, звеня шпорами; подходилъ къ столу; выпивалъ рюмку коньяку и вновь искалъ эффектныхъ положеній, съ цѣлью окончательно покорить сердце Лидіи Ивановны.

Вдругъ онъ остановился въ испугѣ. Часы пробили половина восьмого, а онъ забылъ убрать снятое и разбросанное имъ платье. Что если Лидія Ивановна войдетъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ все прибрать? Потомъ будетъ невозможно. Съ лихорадочной поспѣшностью окончилъ онъ эту работу и подумалъ:— Теперь надо успокоиться, съ минуты на минуту Лидія Ивановна можетъ войти.

Онъ вставалъ, нервно прохаживался по комнатѣ, останавливался и прислушивался. Все было тихо на лѣстницѣ. Малѣйшій шумъ въ комнатахъ хозяйки заставлялъ его вздрагивать.

Пробило половина девятого:— Надо успокоиться! — рѣшилъ Барсовъ и выпилъ стаканъ вина. Но волненіе его не уменьшалось, а росло. Онъ сталъ снова шагать по комнатѣ, выпивая въ промежуткахъ то рюмку коньяку, то вина. Пробило 9 часовъ. Ждать очевидно больше не стоило. Барсовъ подошелъ къ двери хозяйки и постучалъ. Изъ комнавы послышался голосъ:

— Я уже раздѣта и лежу въ постели.

— Накиньте халатъ, Степанида Петровна, и идите ужинать. Артистка не пришла, что нибудь ее задержало.

— Хорошо, подождите, я сейчасъ выйду.

Барсовъ сѣлъ у накрытаго стола и сталъ ждать. Степанида Петровна вошла въ длинномъ красномъ капотѣ, застегнутомъ на груди аляповатою брошкою. Легкая ткань плотно облегла ея дородное тѣло. Русые волосы были зачесаны назадъ и свернуты тяжелымъ узломъ на затылкѣ. Вся ея фигура дышала здоровьемъ хорошо вскормленнаго животнаго.

— Артистка то ваша видно обманула васъ: съ другимъ пошла репетировать!.. Степанида Петровна захохотала, закинувъ голову назадъ, причеиъ обнажилась ея полная розовая шея.

— Ну ее къ бѣсу. Весь интересъ публики сосредоточенъ на мнѣ. Она аксесуаръ. На моихъ плечахъ держится весь успѣхъ пьесы. Только ради меня идутъ въ театръ; только на меня и смотрятъ! Барсовъ выпилъ большой стаканъ вина и, склонивъ голову, блестящими, жадными глазами смотрѣлъ на свою сосѣдку.

Степанида Петровна молча пила ликеръ изъ стакана, въ который пьянбющій Барсовъ украдкою подливалъ коньякъ.

— Эхъ! Степанида Петровна, что наши тощія артистки, въ сравненіи съ такою красавицей, какъ вы! Знаешь что, — продолжалъ Барсовъ, незамѣтно для себя, въ опьяненіи переходя на ты — я буду учить тебя драматическому искусству. Ты заткнешь за поясъ всѣхъ нашихъ дохлыхъ артистокъ.

— Что выдумали то? Стану я еще учить ваши роли, — произнесла заплетающимся языкомъ Степанида Петровна. Грудь ея высоко вздымалась: она видимо опьянѣла.

Барсовъ всталъ, слегка пошатываясь.

— Помоги мнѣ, Степанида, снять эти проклятые сапоги. Чертовски жмутъ!

Молча оба встали. Барсовъ упалъ на тахту, а Степанида Петровна стала стягивать съ него сапогъ. Сапогъ не подавался. Она дернула со всей силы. Сапогъ выскользнулъ изъ ея рукъ, зубчатое колесо шпоры рѣзануло ей по рукѣ, и оступившись о подолъ капота, Степанида Петровна навзничъ упала на коверъ. Капотъ широко распахнулся, короткая исподняя рубаха загнулась выше пояса, и взорамъ Барсова открылось обнаженное тѣло, въ стилѣ художника Бугера.

Степанида Петровна не двигалась, изъ раненой откинутой руки сочилась кровь.

Барсовъ сползъ съ тахты на коверъ и прильнулъ къ Степанидѣ Петровнѣ. Шпага мѣшала ему. Онъ рванулъ ее и поясъ лопнулъ. Окровавленная рука обвила шею Барсова...

Открылась дверь и въ комнату поспѣшно вошла запоздавшая „на проб-

ный урокъ декламации“ Лида. Сначала она, въ недоумѣнн, остановилась, а затѣмъ съ возгласомъ! „Ахъ!“ бросилась вонъ. И долго Барсовъ, потерявшій уже большую часть атрибутовъ, его украшавшихъ, и похожій скорѣе на ошипаннаго пѣтуха, чѣмъ на Сирано, кричалъ ей вдогонку заплетающимся языкомъ: „Это по пьесѣ! Это по пьесѣ!“

ЕМЕ.

Двѣ встрѣчи съ Керенскимъ.

I.

Начало іюня 1917 года. На фронтѣ N. Сибирскаго корпуса шла молчаливая напряженная работа: — подготовка къ прорыву на Виленскомъ направленіи. Революція наложила уже свою ужасную печать, ея тлетворное дыханіе коснулось простыхъ незлобивыхъ думъ солдатъ и отравило ихъ. Большая часть солдатъ не желала ровно ничего дѣлать, имъ не было никакого дѣла до того, побѣдимъ ли мы противника или же онъ насъ разгромить, уничтожить все то, что стоило столькихъ жизней и такихъ страшныхъ, скажу просто, нечеловѣческихъ трудовъ. Они даже не задумывались надъ тѣмъ, что, въ случаѣ нашего пораженія, имъ и нашей артиллеріи не избѣжать смерти отъ вражескихъ снарядовъ.

Они забыли честь и долгъ.

Артиллеристы были серьезны, мрачны, они знали на что идутъ и чего можно ждать при такой неразберихѣ и все-таки упорно работали.

Они дольше всѣхъ сохраняли вѣрность родинѣ, въ ихъ душахъ еще теплилась горячая любовь къ Россіи, съ которой они выступили въ походъ.

Пѣхота презрительно улыбалась, глядя на горячую работу артиллеристовъ.

Къ чему все это? Мы теперь свободные люди!

Но болѣе осторожные выжидали, что изъ всего этого выйдетъ.

Всѣ офицеры были грустно настроены. Они видѣли всю бесполезность своей работы и отлично понимали, что имъ грозила еще большая опасность

отъ солдатъ, чѣмъ отъ враговъ — нѣмецъ.

Съ какой радостью я прежде встрѣчалъ вновь прибывавшія пушки, строилъ планы будущей работы, а теперь это были только лишнія бесполезныя затраты.

Наконецъ наступилъ день посѣщенія Верховнаго горе-главнокомандующаго Керенскаго.

У деревни Б. масса автомобилей, шумящія, безпорядочныя толпы солдатъ, жидкіе крики ура.

Солдаты выносятъ кого-то на рукахъ изъ автомобиля.

Рѣчи полились ручьемъ. „Свободный сознательный солдатъ пойдетъ впередъ“... Кругомъ насмѣшливыя снисходительныя лица.

Ясное раннее утро.

Раздались первые раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, съ каждой секундой гулъ и грохотъ увеличивался, и дымъ темной пеленой окутывалъ окрестности.

Расположеніе противника совершенно исчезло въ облакахъ дыма, но орудія точно нацѣлены и бьютъ безъ промаха.

Противникъ не заставилъ себя долго ждать и открылъ бѣшеный огонь по нашему расположенію, но наши молодцы артиллеристы хладнокровно продолжали свою работу.

Къ вечеру второго дня перевѣсъ склонился на нашу сторону, и къ полудню третьяго дня все было кончено, противникъ смолкъ, его позиціи представляли изъ себя вспаханное снарядами поле.

Не видно ни души, все молчитъ.

Но что то происходитъ странное.

Сигналъ „впередь“ данъ, а движенія съ нашей стороны никакого — кому теперь охота рисковать жизнью. Солдаты не двигались.

Офицеры пошли одни, по два, по три на развѣдку.

Пришли, кругомъ все молчить, все погребено подъ взрытой землей, груды труповъ, кровь, разрушеніе.

Обрадованные смѣльчаки—офицеры, зовутъ идти впередь, но позади молчаніе.

Молодые женщины отряда Бочкаревой, погибшія вполсѣдствіи такой ужасной смерти, всѣ до одной вышли впередь, тщето стараясь увлечь за собой потерявшихъ совѣсть солдатъ. Но это были не прежніе солдаты нашей доблестной арміи.

Неохотно, небольшими группами двинулись они къ неприятельскимъ позиціямъ только тогда, когда увидѣли, что офицеры спокойно расхаживаютъ на позиціяхъ.

И вдругъ все повалило обратно.

Все это наблюдалъ въ бинокль курьеръ революціи Керенскій.

— Что это такое? Что это за люди? обратился онъ ко мнѣ, указывая на цѣлыя толпы согнутыхъ подъ тяжестью ноши солдатъ, шагавшихъ отъ вражескихъ окоповъ обратно.

— Это ваша работа г. Керенскій, — желчно сказалъ командующій арміей, съ досадой бросая бинокль.

Какъ разъяренный пѣтухъ бросился въ припрыжку къ автомобилю Керенскій. Машина съ ревомъ рванулась впередь.

Вотъ первые герои, обливающиеся потомъ подъ тяжестью мѣшковъ:

— Стойте! Я Керенскій — кричалъ Верховный Главноуговаривающій, театрально вытянувъ впередь обѣ руки. — Я далъ вамъ свободу, и ваше мѣсто теперь тамъ... впередь!

— Ты далъ намъ свободу, а теперь зачѣмъ насъ на смерть гонишь. Мы жить хотимъ.

— Товарищъ, ты не достоинъ солдатскаго мундира...

— Вотъ тебѣ, сволочь, твой мундиръ! срывая свой мундиръ и бросая его въ Керенскаго, — изступленно кричалъ солдатъ.

Противникъ быстро оцѣнилъ создавшееся положеніе и двинулъ резервы,

сбилъ ничтожныя цѣпи нашихъ охотниковъ, прошедшихъ далеко за разрушенныя неприятельскія позиціи, уничтожилъ горсть смѣлыхъ, выполнившихъ до конца свой долгъ людей, и отгѣснилъ насъ.

Керенскій это видѣлъ и отлично понималъ, что все кончено, игра проиграна. Молча, онъ направился къ автомобилю и отбылъ въ Минскъ.

Мнѣ, участнику боя, проведенному бокъ о бокъ съ Керенскимъ эти тяжелыя минуты, хотѣлось плакать, плакать надъ погибшими, разбитыми мечтами о славѣ и величіи Россіи.

II.

Захолустный городъ О., Псковской губерніи.

Октябрь.

Наконецъ я дома, израненный, съ больной надломленной душой, нравственно убитый всѣмъ пережитымъ.

У насъ въ О. ровно ничего не знаютъ о томъ, что сейчасъ происходитъ въ Петербургѣ.

Жизнь текла, какъ всегда тихо и мирно.

Темнѣло.

Гдѣ то далеко слышались тяжелые вздохи приближающагося автомобиля. Шумъ быстро росъ.

Во дворъ гостиницы влетѣли два автомобиля.

Изъ одного изъ нихъ вышелъ виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій — Керенскій. Онъ былъ страшно блѣденъ, и все лицо его поминутно дергалось.

Большіе запасы провизіи, громадныя, страшно тяжелыя, дорогой заграничной кожи чемоданы, разстроенныя лица пріѣхавшихъ сказали мнѣ, что что-то произошло.

Предложеніе прислуги перенести чемоданы наверхъ было отклонено, и спутники Керенскаго, сгибаясь подъ тяжестью загадочной ноши, обливаясь потомъ и поминутно останавливаясь, втащили все сами въ небольшую комнату, выбранную неудачливымъ правительствомъ въ одномъ изъ отдаленныхъ корридоровъ.

— Кажется, мы съ вами встрѣчались на фронтѣ? спросилъ меня Керенскій.

— Да. Помните, какая страшная драма разыгралась на нашихъ глазахъ.

И главнымъ виновникомъ всего мы считали и считаемъ до сихъ поръ васъ.

Лицо Керенскаго перекоилось отъ злости.

— Россіи суждено было пережить это! рѣзко сказалъ онъ.

Всю ночь нервно шагаль Керенскій изъ угла въ уголъ въ своей комнатухѣ и рано утромъ, крадучись какъ воръ, отбылъ въ неизвѣстномъ направленіи со своими загадочными тяжелыми чемоданами.

На другой день жители городка чуть не убили хозяина гостинницы, узнавъ, что таинственный посѣтитель былъ Керенскій.

— Онъ увезъ наше русское золото! кричала толпа.

На подзеркальникѣ комнаты, пріютившей жалкаго авантюриста бѣлѣла визитная карточка:

„Александръ Федоровичъ Керенскій“.

Вѣроятно она была оставлена на память о томъ, какой великій человѣкъ осчастливилъ эту комнату своимъ пребываніемъ. И даже тутъ этотъ самовлюбленный, страдающій маніей величія гороховый шутъ, своимъ своеволіемъ, исключительной глупостью и недѣловитостью причинившій, быть можетъ, навѣки непоправимый вредъ государству, остался вѣренъ себѣ. **Измайловъ.**

Танецъ Черной Змѣи.

Содержаніе предыдущей части: Въ громадномъ залѣ моднаго Парижскаго ресторана L'étoile всѣ посѣтители заняты съ одной стороны, красавицей—танцовщицей Медже Рама, а съ другой, загадочной смертью богача Франсуа Берте, который былъ найденъ утромъ въ своей постели мертвымъ безъ всякихъ наружныхъ признаковъ насилія или отравленія, такъ что его можно было бы счесть скоростижно скончавшимся отъ разрыва сердца, если бы при этомъ не была обнаружена пропжа крупной суммы денегъ и драгоценностей. Однако несмотря на всѣ принятыя судебными властями мѣры, установить былъ ли дѣйствительно Берте отравленъ и вообще разъяснить это преступленіе не удалось. Когда танцовщица Медже Рама возвращалась изъ ресторана домой, за ней послѣдовалъ нѣкто Кременъ, богатый женатый человѣкъ, послѣднее время преслѣдовавшій Медже своею любовью. Не отвѣчавшая до сихъ поръ на его письма и заговариванья Рама на этотъ разъ оказалась благосклоннѣе и не только разрѣшила Кремену проводить себя, но и обѣщала, въ виду отсутствія жены его, посѣтить Кремона на дому, что она вскорѣ и исполнила.

Время летѣло. Часовая стрѣлка немолимо двигалась впередъ. Вдругъ, въ пылу разговора взоръ Медже упалъ на полуоткрытую дверцу несгораемаго шкафа.

„Знаете что, милый Андре,—сказала она,—мнѣ захотѣлось вина и фруктовъ. Только я не хочу идти въ столовую, чтобы не нарушить настроенія. Принесите лучше сюда, если это не особенно затруднить Васъ“. Кременъ съ восторгомъ бросился исполнять ея желаніе.

Съ быстротой молніи Медже очутилась у шкафа. Черезъ минуту все содержимое его, въ видѣ кредитныхъ билетовъ и брилліантовъ, перешло въ объемистый ридикюль Рама.

Когда вернулась Кременъ, она спокойно сидѣла на прежнемъ мѣстѣ. Выпивъ вина, Медже вскорѣ стала торопиться домой.

* * *

Стоя на колѣняхъ передъ Рама, Кременъ съ обожаніемъ цѣловаль ея руки.

„Вы уже уходите?“

„Да. Пора, поздно“.

Тяжелая портьера, скрывавшая небольшую дверь въ глубинѣ комнаты, зашевелилась, и легкій подавленный, чуть слышный стонъ раздался за нею. Но увлеченные своимъ разговоромъ собесѣдники ничего не слышали.

„Вы придете еще?“ умоляль Кременъ.

„Не знаю, можетъ быть“ улыбулась Рама. „Возьмите это кольцо, я его очень люблю. Оно будетъ Вамъ напоминать меня. Надѣньте его, когда будете ложиться спать, а завтра въ половина второго я его сниму сама — у меня“.

Кременъ страстно протянулъ руки, но Медже ловко уклонилась отъ объятій.

„Нѣтъ, нѣтъ оставьте. У Васъ всюду чувствуется присутствіе вашей жены. Проводите меня. Да положите-же кольцо“.

— Я хочу его надѣть сейчасъ.

„Нѣтъ, позже, передъ сномъ. Оно вѣдь заколдовано и навѣтъ Вамъ счастливыя грезы“, лукаво улыбаясь, сказала танцовщица.

Часы гулко пробили два.

Внизу за Медже хлопнула дверь.

* * *

Наклонившись передъ открытымъ ящикомъ письменнаго стола, стояла Люси Кременъ. Слезы непрерывной струей текли по поблѣднѣвшимъ щекамъ, падали свѣтлыми, крупными, какъ жемчугъ, росинками на шелкъ элегантнаго темнаго Tailleur'a. На тоненькомъ пальцѣ

молодой женщины блестяло кольцо Медже.

Лихорадочно, прислушиваясь къ приближающимся шагамъ мужа, она нетерпѣливо совала въ длинную сумочку толстый пакетъ какихъ то бумагъ. „Я всѣ, всѣ возьму“, шептала она дрожащими губами.

Кремонъ вошелъ въ комнату въ тотъ моментъ, когда его жена только что скрылась неслышными шагами за портьерой. Сдерживая душившія ее рыданія, бѣдная женщина спускалась по лѣстницѣ. Она уходила навсегда изъ дома, гдѣ такъ безжалостно разбили ея маленькое, довѣрчивое сердце. Прижимая драгоценную сумочку къ груди, бѣжала она по опустѣвшимъ улицамъ города, съ кольцомъ соперницы на рукѣ.

Плача, поминутно сбиваясь, рассказала она брату весь ужасъ пережитыхъ минутъ.

„Зачѣмъ же ты вернулась раньше срока?“ стараясь успокоить сестру, спросилъ Поль.

„Я не могла больше вынести одиночества и хотѣла сдѣлать сюрпризъ Андре. Въ послѣднюю минуту я одѣлась и даже безъ вещей выѣхала съ ночнымъ поѣздомъ“.

Долго плакала Люси, наконецъ, совершенно обезсиленная заснула на диванѣ въ кабинетѣ. Поль съ печалью смотрѣлъ на блѣдное лицо сестры, подруги счастливаго дѣтства, вѣрной участницы всѣхъ невозможныхъ проказъ, приводившихъ въ отчаяніе гувернантокъ и учителей. Осторожно, еле ступая, молодой человѣкъ вышелъ изъ кабинета.

* * *

Кремонъ напрасно искалъ кольцо.

Оно исчезло. Вѣрный данному обѣщанію, онъ не хотѣлъ ложиться, пока не найдетъ потерянную драгоценность.

Время летѣло, а кольцо не находилось.

Яркіе лучи солнца побѣдно ворвались въ открытое окно. Веселый гамъ птицъ, пріотившихся на большомъ каштанѣ, яркое небо, свѣжесть ранняго майскаго утра понемногу разсѣяли тяжелое настроеніе духа.

Прогулка верхомъ окончательно развлекла Андре.

Насвистывая веселый мотивъ, онъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ его уже ждалъ управляющій конюшнями. Отдавъ нѣсколько незначительныхъ приказаній, онъ подошелъ къ несгораемому шкафу, чтобы вынуть чековую книжку.

Шкафъ оказался незапертымъ.

— Боже, какъ я разсѣянъ, — подумалъ улыбаясь Кремонъ. Но улыбка какъ то сразу исчезла съ поблѣднѣвшихъ губъ: шкафъ былъ пустъ.

Чековая книжка лежала на мѣстѣ, но брилліанты и деньги исчезли. Широко открытыми глазами смотрѣлъ Андре на пустыя полки шкафа.

Но привычка владѣть собой взяла верхъ. Быстрымъ движеніемъ захлопнула онъ тяжелую дверцу шкафа и, передавая чекъ управляющему, просилъ его сегодня ни по какимъ дѣламъ больше къ нему не обращаться.

Отъ глазъ стараго служащаго не скрылось волненіе хозяина.

Нервный, непривычный, длинный звонокъ Кремона заставилъ камердинера Жана, служившаго еще отцу Андре, броситься бѣгомъ въ кабинетъ.

Фактъ, а не реклама!!!

Не забудьте обратить вниманіе на № 6. Эстонскій магазинъ: Аптекарскій пер., № 6. Только тамъ можно дешево купить изъ хорошаго матеріала:

Модныя весеннія пальто изъ хорошаго драпа по 3.300 мар. и дороже.

Костюмы по 2.600 мар. и дороже.

Мужск. брюки по 700 м. и дороже.

Дождевики по 2.400 мар. и дороже.

Просимъ убѣдиться лично!

Просимъ не смѣшивать съ другими фирмами!

Просимъ обратить вниманіе:

Аптекарскій пер., № 6.

Не смѣшайте съ другими фирмами! Обратите вниманіе на № 6.

Тунтъ-Анхъ-Амонъ платье.

Модница: Сударь! Почему вы меня все время преслѣдуете?!

Профессоръ: О, я хочу только разобраться въ иероглифахъ.

„Кольцо нашли?“

„Нѣтъ?“

Лицо Кремона поблѣднѣло, между бровей легла глубокая складка.

Въ тяжеломъ раздумьи онъ опустил голову.

Значитъ кто-то пробрался къ нему въ кабинетъ въ то время, когда онъ провожалъ свою позднюю гостью, и похитилъ не только всѣ бывшія въ домѣ деньги и брилліанты, но и кольцо.

Въ сосѣдней комнатѣ раздалась чьи то шаги.

Андре поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Поль. Осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо beau tег'a поразило Кремона.

„Что съ тобой, Поль?“

„Жанъ, вы можете идти!“

Жесткія обвиненія посыпались градомъ на Андре.

Широко открывъ глаза, онъ напряженно слушалъ все, что ему говорилъ

его гость, но усталый мозгъ отказывался понимать, и только отдѣльные слова оставались въ памяти.

Вдругъ яркій румянецъ залилъ все лицо и шею.

„Такъ, это Люси украла кольцо и деньги?!“

„Украла? Какъ вы смѣете?“

Телефонъ осторожно задребезжалъ.

Какъ звѣрь, Андре бросился къ шкафу, рванулъ дверцу и, съ злобнымъ смѣхомъ указывая Полю на опустѣвшія полки, крикнулъ ему въ лицо:

„Ваша сестра воровка!“

„Вы негодяй! Моя сестра взяла только свои письма и кольцо, какъ доказательство вашей невѣрности,— кольцо, которое та — фиглярка — имѣла наглость вамъ дать“.

„Не смѣйте такъ говорить о женщинѣ, которую я люблю!“

Телефонъ звонилъ, не переставая. Дверь кабинета съ шумомъ распахнулась и въ комнату ворвался вѣрный, старый камердинеръ. Онъ бросился къ Андре, котораго онъ когда то носилъ на рукахъ.

„Дитя мое, мое бѣдное дитя. Она умерла!“

„Кто умеръ?“ въ одинъ голосъ спросили пораженные мужчины.

„Люси, наша маленькая госпожа. Боже, такая добрая, такая милая!“ падая на стулъ, всхлипывалъ старикъ.

Поль и Андре съ ужасомъ смотрѣли другъ на друга.

„Идемъ къ ней!“ сурово сказалъ Поль, беря Андре за руку. Совершенно разбитый, съ пустой головой и какой то ноющей болью во всемъ тѣлѣ Андре двинулся къ выходу.

* * *

Безпокойно мечется на своемъ ложѣ красавица Медже. И въ тревогахъ и бореніяхъ виновной совѣсти встаетъ передъ ней прошлое:

Полночь. Далекая экзотическая страна.

Небольшой бѣлый храмъ, бессмертное твореніе гениальнаго архитектора, спитъ глубокимъ сномъ.

Темныя, какъ агаты, воды священнаго озера шумно плещутся о бѣлыя широкія ступени.

Безобразныя тучи зловѣще ползутъ по небу.

Выглянувшая на минуту изъ-за тучъ луна освѣтила высокую, стройную фигуру мудреца Ганга, неподвижно стоящаго на нижней ступенькѣ.

Невдалекѣ заскрипѣлъ песокъ подъ быстрыми легкими шагами.

„Дочь моя, это ты?“

„Да, учитель“.

„Я давно тебя жду“.

„Мнѣ трудно было идти, приходилось выбирать дорогу, лѣсъ полонъ змѣй“.

„Да, завтра ихъ праздникъ, онѣ всѣ собираются у черного озера на поклоненіе солнцу. Только я одинъ выхожу въ это утро въ лѣсъ“.

„А твои змѣи учитель?“.

„Онѣ уже въ лѣсу и вернутся завтра къ вечеру“.

Женщина сбросила бѣлое тонкое покрывало и робко опустилась на колѣни передъ стоящимъ загадочнымъ Буддой.

Сегодня послѣдній день ея пребыванія на берегахъ священнаго озера. Завтра, вечеромъ, она уже будетъ далеко на пути въ Европу, которую она покинула пять лѣтъ тому назадъ.

Въ дождливую, осеннюю ночь она была подобрана на улицѣ, умирающей, ученикомъ знаменитаго хирурга Марре.

Молодой организмъ долго боролся съ болѣзью. Мудрецъ Ганга проводилъ цѣлыя ночи у изголовья умирающей. По каплямъ вливалъ онъ въ запекшійся ротъ больной какую-то красноватую жидкость.

Жизнь медленно возвращалась въ исхудалое тѣло выздоравливающей. Глаза ея испуганно смотрѣли на окружающихъ.

Что ждетъ ее по выходѣ изъ больницы? Голодъ, нищета и, можетъ быть, смерть гдѣ-нибудь на холодныхъ плитахъ тротуара.

Но судьба распорядилась иначе. Сегодня ровно пять лѣтъ, какъ молодая дѣвушка нашла пріютъ у старой Медже, выннчившей когда-то великаго учителя.

„Дитя мое,—началъ учитель,—глаза бѣлой жемчужины мнѣ сказали, что ты сама можешь выбрать путь, по которому пойдешь черезъ жизнь. Передъ тобой двѣ дороги: одна добра, другая—величайшаго зла. Берегись идти по второй, она тебя...“ Страшный ударъ грома раздался надъ крышей храма и заглушилъ послѣднія слова мага. „Ты знаешь боль-

ше многихъ мудрецовъ, ты избранница судьбы. Безъ боязни я вручаю тебѣ только мнѣ извѣстные яды, страшное оружіе, которымъ ты будешь карать забывшихъ завѣты Великаго Будды братьевъ „Звѣзды Запада“, продавшихъ душу за золото. Но горе тебѣ, если ты порвешь длинную нить жизни невиннаго! Гнѣвъ Отца жизни великъ! Неси людямъ твой знанія, поддерживай падающихъ! Иди туда, гдѣ царитъ зло и борись съ нимъ! Не бойся ничего: я буду около тебя. Но помни,—смуглое лицо учителя потемнѣло еще больше— бойся второй дороги! А теперь возьми вотъ этотъ свертокъ и прощай!“

* * *

Медже сидѣла на диванчикѣ въ своемъ роскошно обставленномъ будуарѣ. Изъ стоявшей у нея на колѣняхъ шкатулки, она вынула нѣсколько пачекъ крупныхъ кредитокъ и затѣмъ достала замшевый мѣшокъ. Сверкающей рѣжкой посыпались изъ него на мраморный столикъ играющіе всѣми цвѣтами радуги брилліанты; яркіе, какъ капли свѣжей крови, рубины, и безупречные зеленые изумруды. Въ восхищеніи смотрѣла на нихъ Медже. „Теперь я, наконецъ, богата“, промолвила она.

Маленькіе бронзовые часики звонко пробили два.

„Не пришелъ! иронически усмѣхнулась молодая женщина,—спитъ. Вѣчнымъ сномъ заплатилъ за измѣну женѣ. Но этого мнѣ немножко жаль, да и денегъ у него оказалось меньше, чѣмъ я предполагала и чѣмъ ихъ было у Берте. Однако довольно, пора укладываться, для безопасности надо уѣхать подальше и поскорѣе“.

Медже начала было собирать разсыпанныя драгоценности, но въ это время въ дверь постучали.

„Кто тамъ?“ безпокойно спросила Медже, прикрывая быстро шарфомъ драгоценности.

Вошла горничная, за ней изъ дверей выглядывала какая-то мужская фигура.

„Письмо вамъ отъ г. Кремона, въ собственные руки“ сказалъ мужчина.

Горничная вскрикнула: она не видела, что тотъ изъ передней послѣдовалъ за нею.

Однако Медже не обратила на это вниманія.

„Какъ отъ Кремона?!“ воскликнула она, съ нескрываемымъ смущеніемъ.

Пока Медже нервно распечатывала конвертъ, посетитель пытливымъ взглядомъ окинулъ комнату и сразу замѣтилъ пачки кредитокъ на диванѣ и столикъ, прикрытый шарфомъ.

„Вѣдь здѣсь совершенно чистый листъ и на конвертѣ никакой надписи!“ удивилась Медже.

„Не могу знать. Баринъ сказалъ Вашъ адресъ и приказалъ вручить это письмо секретно Вамъ, въ собственные руки. Можетъ быть, онъ перепуталъ, т. к. у насъ случилось большое несчастіе: умерла барыня“.

„Какъ барыня?! Когда?! Гдѣ?!“ засыпала вопросами Медже, причемъ ноги у нея подкосились и въ величайшемъ волненіи она опустилась на диванчикъ.

„Сегодня, скоростижно, на квартирѣ г-на Поля, ея брата“.

Медже, повидимому, нѣсколько успокоилась и, обращаясь къ посыльному, сказала: „Передайте барину, что въ конвертѣ оказался чистый листъ и что я очень сочувствую его горю“. Мужчина раскланялся и удалился. Спустившись къ швейцару, онъ показалъ свою карточку служащаго уголовной полиціи и командировалъ его слѣдить за черной лѣстницей и никого не выпускать изъ дома. Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ позвонилъ по телефону въ участокъ, прося уполномочія на производство обыска и ареста Медже.

* * *

Въ это время Медже поспѣшно укладывала въ ручной саквояжъ самую не-

Пациентка: Когда меня мучили нервы, Вы, г-нъ докторъ, совѣтовали мнѣ выйти замужъ. Что же мнѣ теперь посоветуете отъ брака?

Докторъ: Я запрещаю вамъ всякое волненіе.

Пациентка: Вотъ это мило, докторъ. Вы запрещаете всякое волненіе, но какъ я могу не волноваться, разъ мнѣ что либо запрещаютъ?

обходимыя вещи, деньги и драгоценности. „Бѣжать, немедленно бѣжать!“ говорила она сама себѣ въ волненіи. „Впрочемъ, что же я такъ волнуюсь, вѣдь смертельная опасность мнѣ угрожаетъ отъ любви, а ея пока еще нѣтъ“ подумала она.

GRAND PREMIO
A. ADAMKA.
SAARA KAUPUS VANAPOSTI T. S.
TALLINN-REVAL.

Самая красивая и изящная обувь.

Центральный книжный складъ

„Русская Книга“

Большой выборъ всевозможныхъ книгъ. Последнія новости. Классики. Дешевыя книги для легкаго чтенія. Мемуарная литература. Научныя изданія. Учебники. Книги для дѣтей и юношества.

Ревель, Королевская, 3.

Вдругъ до ея слуха донесся неясный звукъ колокольчика. Медже поблѣднѣла. Все было тихо. „Нѣтъ, это мнѣ показалось“ рѣшила она съ облегченіемъ, но тотчасъ на лицѣ ея изобразился ужасъ: она ясно услышала звонъ колокольчика. Комната наполнилась какимъ то розовымъ свѣтомъ и посрединѣ заколебались неясныя очертанія темной фигуры. Со словами: „Слушаю, учитель!“ танцовщица упала ницъ. Крышка стоявшей въ углу за туалетнымъ столикомъ плетеной корзины зашевелилась, затѣмъ нѣсколько приподнялась и оттуда, шипя и извиваясь, выползла змѣя. Она тоже услышала зовъ далекаго господина. Черезъ секунду она стояла уже на хвостѣ, вытянувшись во всю длину и устремивъ сверкающіе глаза на тѣнь. Какъ бы издалека донесся безстрастный голосъ: „Ты сама, Медже, избрала путь зла. Часъ возмездія насталь!“ Съ шипѣніемъ змѣя быстро бросилась къ распростертой тан-

цовщицѣ, плотнымъ чернымъ кольцомъ охватила ея шею и впиалась въ руку, такъ часто ее ласкавшую. Медже дико вскрикнула.

* * *

Разъ, два, три, четыре весело пробили бронзовые часы. Двери распахнулись и на порогѣ появилась блѣдная испуганная горничная, „Госпожа, полиція!“ произнесла она и вдругъ, въ ужасѣ, попятилась назадъ. Вошедшая полиція нашла распростертую на полу Медже уже мертвой. Сверкающе умомъ и злобой маленькіе глаза черной змѣи, тѣснымъ кольцомъ обвивавшей шею танцовщицы и плотно впившейся въ холодную руку Медже, померкли навѣки. Смерть Медже унесла въ могилу тайну страшныхъ колецъ, убивавшихъ невѣдомымъ ядомъ несчастныхъ, подпавшихъ чарамъ „Черной Змѣи“.

Индія не выдаетъ своихъ тайнъ...

Мирра Надія.

Сказка о женахъ и молодой королевнѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ король, а у короля была дочь, прекрасная королевна. Семнадцать лѣтъ прожила королевна не зная ни какой болѣзни, да однажды такъ расхворалась, что всѣ врачи потеряли голову, а если человѣкъ потеряетъ голову, да еще врачъ, то отъ этого ничего хорошаго не получится.

Обезумѣлъ отъ горя король, прогналъ всѣхъ врачей и велѣлъ созвать чародѣевъ.

Три дня и три ночи думали чародѣи, какъ горю помочь. Гадали на звѣздахъ, читали по диковиннымъ книгамъ и, наконецъ, выдумали. Пришли къ королю и бухъ въ ноги:

— Не вели казнить, вели слово молвить. Нашли мы, какъ помочь королевнѣ. Отряди-ка глашатаевъ, да пошли во всѣ стороны королевства женъ скликать, пусть придетъ ко двору любая жена, никогда не измѣнившая мужу, и отъ поцѣлуя такой жены оправится твоя королевна.

Обрадовался король, захопалъ въ ладоши и говоритъ королевѣ:

— Не печалься жена, выздоровѣетъ наша дочурка, дай только срокъ, — собрать вѣрноподданныхъ!

А королева стоитъ ни жива ни мертва, только вздохнула тяжело: „Жди, молъ, отъ насъ!..“

Тридцать три дня и три ночи кричали глашатаи по всему королевству и на тридцать четвертый вернулись „не солоно хлѣбавши“.

— Нѣтъ отъ насъ толка, напрасно глотки зря драли. Любая жена непорочна, а какъ до королевскихъ палатъ, то у одной зубы болятъ, у другой въ животѣ судороги, а иная и просто въ постель ложится. Скажите, молъ, королю, что и рада помочь, да сама больная лежу. Такъ ничего и не вышло!

Опечалился старый король и говорить королевѣ:

— Ну, мать моя, дожили мы съ тобой до позора. Хоть-бы одна порядочная жена на все королевство!

Завернулась королева въ фату, а сама думаетъ: „Дуракъ ты дуракъ и уши холодные!..“

Однако король надежды не потерялъ.

— Тридцать три королевства вокруг нашей страны и пусть отправятся къ нимъ глашатаи искать въ чужестранныхъ земляхъ вѣрныхъ женъ. Хочу дочь свою вылѣчить и быть по сему!

И вновь отправились со дворца королевскіе глашатаи по чужимъ королевствамъ искать непорочныхъ женъ.

Много дней и много ночей кричали они въ каждомъ изъ государствъ и опять ни съ чѣмъ вернулись домой.

А тѣмъ временемъ во дворцѣ шумъ и событіе. Съѣхались всѣ сосѣдніе короли съ королевами посмотрѣть на лѣченіе королевны (больно диковинно) и въ парадной залѣ дожидаются королевскихъ глашатаевъ.

Самъ король между всѣми королями гордо расхаживаетъ: „Вотъ молъ, глядите, какую я штучку придумалъ!“.

Ввалились глашатаи и бухъ въ ноги.

— То есть, хоть-бы одна! А ужъ мы-то старались, мы-то орали, всѣ глотки надорваны. По тридцати тремъ королевствамъ словно эпидемія ходитъ! Всѣ жены больны! Ни одна на ногахъ стоять не можетъ!

Окончательно опечалился старый король, залился слезами, не зная чѣмъ горю помочь.

Вдругъ изъ толпы царедворецъ выходитъ, молодой пажъ.

— Нашелъ я, какъ бѣду устранить!

Всѣ отъ неожиданности даже присѣли: „Откуда у мальчика-то умъ взялся?..“

— Проси ты, король, своихъ королей — сосѣдей, что-бы послали они къ королевѣ своихъ женъ, а то еще проще, пусть сама королева поцѣлуетъ больную.

Обрадовались всѣ короли и придворные, прокричали „ура!“ и даже шапки вверхъ бросили. Улыбнулся и старый король: „Чего, говоритъ, проще!“ Оглядывается на королевѣ, а тѣ всѣ вповалку лежатъ, всѣхъ неожиданная хворь забрала.

— Докторовъ! кричатъ. Докторовъ! Пошла по землѣ эпидемія, во всѣхъ королевствахъ жены больны!

А тѣмъ временемъ бѣжитъ королевская мамка и по всему дворцу кричитъ, что королевна отъ болѣзни поправилась.

Обрадовались всѣ во дворцѣ и во всемъ королевствѣ и во всѣхъ тридцати трехъ королевствахъ и отъ радости всѣ жены къ вечеру выздоровѣли.

То-то по землѣ радость пошла!!!

Влад. Гущикъ.

Въ Гунгербургѣ.

А гдѣ бы имъ лежать, какъ не на пляжѣ?

Думаете, принимаютъ солнечныя ванны?

Нѣтъ, просто разговариваютъ о вещахъ, которыя ихъ интересуютъ и даже о такихъ, которыя вовсе не интересуютъ.

Одна изъ нихъ полная, розовая, въ черномъ купальномъ костюмѣ, вторая въ бѣломъ, а третья, какъ будто, безъ костюма.

— Вы говорите, ваша знакомая пріѣхала изъ Парижа?

— Ахъ, что бы я дала, чтобы побывать хоть въ Ниццѣ.

— Она привезла оттуда зонтикъ, но я бы даже не назвала его зонтикомъ. Три спицы, палочка и кусочекъ шелку. Если пойдетъ дождь, такъ лучше сидѣть дома.

— А скажите, пожалуйста, — чулки въ Берлинѣ, напимѣръ, носятъ въ полосочку, а какія носятъ въ Парижѣ?

— Должно быть въ паутинку.

— Почему именно въ паутинку?

— Ну, у французенокъ, всетаки, тонкій вкусъ.

— Одна знакомая моей знакомой получила изъ Алжира перчатки изъ крокодиловой кожи!

Фи! Какая гадость! Чтобы я надѣла на руки крокодиловую кожу? Ни за что! Скорѣе собаку или кошку, но крокодила — никогда!

— Но, можетъ быть, это модно?

— Если модно, тогда другое дѣло.

— А что сейчасъ носятъ въ Вѣнѣ?

— Узкія юбки.

— Опять. И весной и теперь? Хотя это практичнѣй, меньше матеріи и спокойнѣе для вѣтра.

Молчать онѣ не болѣе минуты.

— Эта дама, которая въ желтомъ, уѣхала въ Гапсаль.

— Для чего ей понадобился Гапсаль?

— Зубы лѣчить.

— А почему не здѣсь?

— Во-первыхъ, тамъ больше иностранцевъ и море спокойнѣе, а во-вторыхъ, тамъ есть докторъ Кривошеинъ, который когда-то въ Петербургѣ лѣчилъ зубы всѣмъ придворнымъ дамамъ. Не больно, и руками въ ротъ не лезетъ.

— А чѣмъ же?

— Особыми инструментами.

— Ерунда! Просто, вѣроятно, интересный. Вотъ и идутъ.

— Между прочимъ, никакъ не добыюсь, какое бѣлье носятъ въ Польшѣ? Распрашивала у инженера изъ Варшавы, но развѣ у инженера добыешься? Если бы докторъ...

— Положимъ, я знаю одного инженера Радченко, который видѣлъ побольше вашего доктора. Самъ выдѣлывалъ на фабрикѣ разныя матеріи. Всю жизнь для женщинъ работалъ, и теперь, говоритъ, изобрѣтаю такую матерію, которая была бы прочна, тонка, легка какъ пухъ и такъ прозрачна,

чтобы каждая жилка на тѣлѣ видна была.

— Глупая, да онѣ собирается насъ раздѣть!

— Что касается моего знакомаго, то онѣ не изъ любопытныхъ, — произнесла, какъ бы съ сожалѣніемъ, черная...

— На мнѣ была чудная англійская блузка, съ патентованными, оригинальными застежками, такъ онѣ даже не поинтересовался, какъ онѣ растегаиваются. А еще инженеръ-механикъ...

— Не всякій инженеръ интересуется своею специальностью...

— Сегодня что-то не видно Лугашевича.

— Что съ фотографическимъ аппаратомъ? Надоѣлъ!

— Онѣ васъ снималъ?

— А я знаю? Развѣ за ними усмотришь?

— Я замѣтила, что онѣ больше интересуется натурой, чѣмъ портретами.

— А Вы были въ Карлсбадѣ?

— А что я тамъ забыла?

— Говорятъ, не интересно. Одна вода и ни одного приличнаго человѣка.

— Отъ чего тамъ лѣчатся?

— Отъ всего. Мадамъ Бабажанъ лѣчилась, напимѣръ, отъ мужа.

Бѣлая засмѣялась.

— Мужъ, по вашему, болѣзнь?

— Смотря какой, а вотъ этотъ настоящий солитеръ. Всѣ соки изъ людей готовъ вытянуть. Скупъ до смѣшнаго. Собственной женѣ сахаръ и булки по счету выдаетъ, и въ добавокъ табакомъ пропахъ.

— Фи! отъ такого мужа и совѣмъ сбѣжишь.

— Знаете, наша общая знакомая Павлова сшила себѣ пеньюаръ. Мнѣ не нравится. — Совершенно закрытый.

— И глупо. Во первыхъ пеньюаръ дѣлается для мужа, а если и не для мужа, то для близкаго человѣка.

— Она сшила для постороннихъ.

— Это, конечно, ея дѣло. А чѣмъ онѣ у нея отдѣланъ?

— Прошивками и тюлемъ.

— Такъ вѣдь онѣ же прозрачный!

— Зато — закрытый.

— Опять Лугашевичъ съ аппаратомъ! Отвернемся. Онѣ дѣлаютъ видъ, что отворачиваются, потомъ поворачиваются, потомъ выворачиваются и разговариваютъ, разговариваютъ...

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бурроуза. Переводъ Э. М.

Изъ романовъ, появившихся въ свѣтъ за послѣдніе года, возбудилъ къ себѣ исключительный интересъ одинъ изъ нихъ подъ названіемъ «Тарзанъ», Бурроуза, благодаря своей оригинальной темѣ.

Краткое содержаніе этого сенсационнаго романа слѣдующее: Лордъ Грейстокъ, съ молодой женой Алисой, отправился по порученію министерства колоній въ Южную Африку. Вторую половину пути онъ принужденъ былъ сдѣлать на небольшой парусной шхунѣ. Какъ капитанъ, такъ и помощники съ матросами были отбросами общества. Однажды лорду удалось спасти жизнь одному матросу во время припадка пьянаго бѣшенства капитана. Черезъ нѣсколько дней вспыхнулъ бунтъ. Всѣ офицеры были перебиты, но вышеупомянутый матросъ, изъ признательности, взялъ лорда и ихъ жену подъ свое покровительство и высадилъ его на необитаемомъ африканскомъ берегу въ джунгляхъ. Лордъ построилъ хижину и вскорѣ родился у него сынъ. По соседству жило племя исполнинскихъ обезьянъ подъ предводительствомъ свирѣпаго самца Керчака. Однажды лордъ былъ чуть не задушенъ такой обезьяной, но послѣдняя была убита его женой, сошедшей послѣ такого потрясенія съ ума. Черезъ полгода послѣ родовъ его жена умерла. Въ этотъ несчастный день Лордъ, забывъ запереть дверь, заснулъ, сидя за столомъ, ребенокъ же плакалъ отъ голода въ люлькѣ. Случилось, что въ это время около хижины находилось племя обезьянъ. На Керчака вдругъ напалъ одинъ изъ обычныхъ припадковъ бѣшенства и одна изъ самокъ Кала, спасаясь отъ него, уронила своего дѣтеныша, который убился. Керчакъ проникъ неслышно въ хижину и задушилъ лорда. Кала же быстро выхватила изъ люльки плачущаго ребенка и, бросивъ туда своего мертваго, убѣжала. Она вскормила мальчика, назвавъ его Тарзаномъ, что значить «бѣлая обезьяна».

Мальчикъ росъ среди обезьянъ, поражая ихъ своимъ медленнымъ ростомъ, безпомощностью и слабостью. Нѣсколько разъ племя хотѣло отъ него освободиться, какъ отъ излишняго балласта, но привязавшая къ нему Кала зорко берегла мальчика. Однако съ теченіемъ времени онъ окрѣпъ, закалился также ловко лазилъ по деревьямъ, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку на высотѣ 14 сажень, находилъ себѣ пищу, однимъ словомъ, ничѣмъ не отличался отъ прочихъ, за исключеніемъ своей безобразной, съ точки зрѣнія обезьянъ, наружности, ибо, въ отличіе отъ другихъ, тѣло его было лишено растительности, носъ, ротъ, губы, зубы и глаза у него были маленькіе и, конечно, не могло быть никакого сравненія съ носами обезьянъ, приплюснутыми и снабженными двумя широкими, вывороченными наружу поздырями, ихъ выдающимся клыками, отвѣсными толстыми губами, налитыми кровью свирѣпыми глазами, съ косматыми бровями подъ ними. Да, Тарзанъ былъ поражающе безобразенъ. Это обстоятельство терзало его маленькое сердце и заставляло часто искать уединенія.

Однажды, въ одну изъ такихъ уединенныхъ прогулокъ, онъ попалъ въ хижину, выстроенную когда-то его отцомъ, и среди другихъ вещей нашелъ ножъ. Обрѣзавшись имъ, онъ понялъ, что ножъ въ будущемъ очень и очень ему пригодится. Вскорѣ въ борьбѣ какъ съ обезьянами, такъ и другими обитателями джунглей, Тарзанъ на практикѣ убѣдился

въ полезности своей находки. Затѣмъ, случайно, ему удалось увидѣть дѣйствіе лука въ рукахъ чернокожихъ и похитить одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ отравленными стрѣлами. Ножъ и лукъ не только сохранили ему жизнь, но и заставили обезьянъ и другихъ обитателей джунглей бояться и уважать Тарзана.

Придя однажды къ хижинѣ, Тарзанъ увидѣлъ въ бухтѣ судно, а на берегу нѣсколько подобныхъ ему бѣлыхъ людей. Въ послѣдствіи оказалось, что это были профессоръ Портеръ, съ дочерью Джэнь и горничной Эмеральдой, его секретарь Филандеръ и молодой англичанинъ Сесиль Клейтонъ, лордъ Грейстокъ (двоюродный братъ Тарзана). Портеръ перевозилъ найденный имъ кладъ. Съ цѣлью завладѣть послѣднимъ, команда убила капитана и его помощниковъ, а Портера съ его спутниками высадила на необитаемый берегъ. Затѣмъ, тайно ночью зарыла сундукъ съ драгоценностями въ укромномъ мѣстѣ и отплыла. Наблюдавшій все время за ними Тарзанъ тотчасъ же поинтересовался закрытымъ сундукомъ, но т. к. онъ не смогъ его открыть, то отнесъ его въ джунгли и спряталъ. Спустя нѣкоторое время, Миссъ Портеръ неосторожно углубилась въ чащу лѣса и была схвачена самцомъ-обезьяной Теркоцъ. Услыша крики Джэнь, Тарзанъ помчался за Теркоцемъ, настигъ его и, послѣ жестокой борьбы, окончившейся смертью Теркоца, спасъ Джэнь Портеръ. Всю ночь и часть слѣдующаго дня Джэнь провела съ Тарзаномъ, который всячески за ней ухаживалъ и оберегалъ, объясняясь знаками, т. к. Тарзанъ не умѣлъ говорить. Джэнь была восхищена силой и ловкостью этого дикаря и почувствовала къ нему на столько сильное влеченіе, что не особенно даже обрадовалась, когда Тарзанъ доставилъ ее на берегъ къ хижинѣ и, услыхавъ въ лѣсу выстрѣлы, быстро скрылся. Оказалось, что въ ея отсутствіе въ бухту прибылъ небольшой французскій крейсеръ, узнавшій объ ихъ судьбѣ, благодаря поимкѣ заблудившагося въ морѣ разбойничьяго судна. Сейчасъ же, подъ предводительствомъ лейтенанта Д'Арно, былъ посланъ небольшой отрядъ моряковъ на поиски Джэнь Портеръ. Д'Арно нѣсколько опередилъ отрядъ и былъ схваченъ чернокожими, которые отвели его въ свою деревню, чтобы съѣсть, предварительно подвергнувъ мучительствамъ. Въ послѣдній моментъ, весь израненный и избитый, онъ былъ спасенъ Тарзаномъ и отнесенъ въ глубь джунглей. Когда Д'Арно нѣсколько поправился, Тарзанъ доставилъ его въ хижину, но тамъ уже никого не оказалось, т. к. крейсеръ, считая Д'Арно погибшимъ, отплылъ. Д'Арно очень привязался къ Тарзану, научилъ его говорить по французски и растолковалъ, что онъ не обезьяна, а человекъ и, по всей вѣроятности, лордъ Грейстокъ. Питая сильную страсть первобытнаго человека къ Джэнь Портеръ, Тарзанъ предложилъ доставить Д'Арно черезъ непроходимыя для обыкновенныхъ людей джунгли къ ближайшему населенному пункту, чтобы оттуда отправиться въ Америку для розысковъ миссъ Джэнь. Черезъ мѣсяцъ они достигли населеннаго пункта, наняли судно, вернулись къ хижинѣ, забрали ящикъ съ кладомъ и отправились сначала во Францію, а оттуда въ Америку. Тарзанъ нашелъ Джэнь Портеръ на фермѣ въ Висконсинскихъ лѣсахъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда уже прибылъ насторъ, чтобы обвѣнчать ее съ нѣкимъ Канлеромъ, которому профессоръ не могъ

отказать, т. к. задолжалъ большую сумму денегъ, поглощенную экспедиціей за кладомъ. Разсвирѣпшій Тарзанъ бросился на Канлера и задушилъ бы его, если бы не вмѣшалась миссъ Джэнь. Онъ сохранилъ жизнь Канлеру, лишь при условіи отказа послѣдняго отъ руки Джэнь.

Когда профессоръ объяснилъ, что отказъ Канлеру дѣлаетъ его нищимъ, Тарзанъ вернулъ ему деньги, вырученныя отъ продажи клада. Однако, пока онъ велъ переговоры съ отцомъ, дочь, напуганная дикостью Тарзана, несмотря на свою любовь къ нему, дала слово Клейтону. Когда Тарзану, наконецъ, удалось остаться съ миссъ Портеръ, онъ сказалъ ей: «Вы свободны теперь, Джэнь, а я прошелъ сквозь вѣка, изъ далекаго и туманнаго прошлаго, изъ логоза первобытнаго человѣка, за вами, за своей подругой; ради васъ я сдѣлался цивилизованнымъ человѣкомъ; ради васъ я пересѣкъ океаны и конти-

ненты; ради васъ я буду всѣмъ, къ вамъ вы захотите, чтобы я былъ. Я могу дать вамъ счастье, Джэнь, въ той жизни, которую вы знаете и любите. Выидете вы за меня?

И тогда она рассказала ему всю правду, не стараясь защитить себя или оправдать свою ошибку.

Опечаленный Тарзанъ рѣшилъ бѣжать отъ цивилизаціи и снова вернуться въ родныя джунгли, предоставивъ Клейтону пользоваться принадлежащимъ по праву ему, — Тарзану, званіемъ и имуществомъ.

Повѣтствованія о дальнѣйшихъ приключеніяхъ Тарзана и результатахъ его благороднаго самоотреченія служатъ содержаніемъ романа „Возвращеніе Тарзана“, къ печатанію котораго мы приступаемъ. Послѣдній, хотя и имѣетъ связь съ первымъ романомъ того-же автора „Тарзанъ“, но, по содержанію своему, составляетъ отдѣльное, вполне самостоятельное цѣлое.

Глава I.

Происшествіе на пароходѣ.

„Великолѣпень“ прошептала графиня де Кудъ. „Что ты нашла великолѣпнымъ?“ спросилъ графъ, ища глазами предметъ ея восхищенія. „О ровно ничего“, поспѣшно отвѣчала слегка покраснѣвшая графиня. „Я только вспомнила съ восхищеніемъ объ удивительныхъ небоскребахъ, какъ ихъ называютъ въ Нью-Йоркѣ“, и съ этими словами она удобнѣе усѣлась въ креслѣ, взявшись опять за брошенный ею было журналъ. Нѣсколько удивившись тому, что еще недавно, когда они находились въ Нью-Йоркѣ, жена была противоположнаго мнѣнія о небоскребахъ, графъ углубился опять въ свою книгу, но черезъ минуту ее отложилъ со словами: „Ужасно скучно, Ольга, — я подумаю наверхъ, можетъ-быть, удастся составить партію въ бриджъ“.

По уходѣ мужа графиня незамѣтно взглянула на высокаго молодого человѣка, лѣниво растянувшагося въ креслѣ, недалеко отъ нея. И снова прошептала: „Великолѣпень“.

Графинѣ Ольгѣ де Кудъ было 20 лѣтъ, ея мужу 40. Она была вѣрной и добродѣтельной женой, но т. к. ея выборъ былъ не самостоятеленъ, то, врядъ-ли она, питала особенно горячую любовь къ тому, кого судьба и ея титулованный отецъ, русскій, избрали ей въ мужа. Вырвавшееся восклицаніе при видѣ интереснаго незнаконца не могло служить доказательствомъ, что она, хотя бы въ мысляхъ, измѣняла мужу; это было лишь поклоненіе красотѣ.

Незнакомецъ вскорѣ всталъ и покинулъ палубу.

Подозвавъ горничную, графиня спросила: „Кто это?“

„Онъ записанъ подѣ фамиліей Тарзанъ, изъ Африки“.

„Довольно неопредѣленно“, подумала графиня и это еще болѣе усилило ея интересъ.

Между тѣмъ Тарзанъ, направляясь въ курительную комнату, натолкнулся на 2-хъ оживленно шептавшихся между собой мужчинъ. Онъ не обратилъ бы на нихъ никакого вниманія, если бы не брошенный на него странно-виноватый взглядъ одного изъ нихъ. Они сразу напомнили Тарзану артистовъ, игравшихъ жуликовъ въ какой-то мелодрамѣ въ Парижѣ. Оба были неестественно черны. Это обстоятельство, а также ихъ взгляды и жесты еще болѣе усиливали сходство.

Войдя въ курительную комнату, Тарзанъ сѣлъ на стулъ, въ сторонѣ отъ другихъ. Попивая абсентъ, онъ предавался воспоминаніямъ о событіяхъ послѣднихъ недѣль. Вновь и вновь спрашивалъ онъ себя, правильно ли онъ сдѣлалъ, уступивъ права первородства человѣку, которому ничѣмъ не былъ обязанъ. Однако, не въ этомъ было дѣло. Не для Вильгельма Сесилия Клэйтонъ, лорда Грэйстокъ, онъ скрылъ свое происхожденіе. Онъ сдѣлалъ это для женщины, которую онъ и Клэйтонъ оба любили, но которую судьба, по

странному капризу, предназначила Клэй-тону, а не ему.

Что она любила его, Тарзана,—дѣлало положеніе еще болѣе тяжелымъ. Но онъ зналъ, что на маленькой желѣзно-дорожной станціи, въ далекихъ Висконсинскихъ лѣсахъ, онъ не могъ поступить иначе. Главнымъ—было ея счастье, а опытъ доказалъ ему, что безъ денегъ и общественнаго положенія жизнь для цивилизованныхъ людей тяжела.

Джэнъ Портеръ была рождена для того и другого, и, если бы Тарзанъ отбилъ бы ее у будущаго супруга, то жизнь ея съ нимъ, Тарзаномъ, врядъ ли удовлетворила бы ее въ будущемъ и принесла бы счастье, а что она немедленно отказала-бы Клэйтону, не имѣй онъ титула и владѣній, никогда не приходило Тарзану въ голову, т. к. онъ во всѣхъ людяхъ предполагалъ свойственную ему самому порядочность. И онъ въ данномъ случаѣ не ошибался. Только порядочность и могла побудить Джэнъ Портеръ, вопреки ея чувству, остаться вѣрной данному ею Клэйтону обѣщанію. Отъ прошлаго мысли Тарзана перешли на будущее. Онъ съ радостью предался размышленіямъ о своемъ возвращеніи въ джунгли, гдѣ родился и провелъ 20 изъ 22 лѣтъ своей жизни. Жестокія, хищныя джунгли! Кто или что изъ миллиардовъ существъ этого міра будетъ привѣтствовать его при возвращеніи? Никто. Вѣдь только одинъ Танторъ, слонъ, былъ его другомъ. А остальные начнутъ охотиться на него или обратятся въ бѣгство, какъ они это дѣлали раньше. Даже обезьяны рода, въ которомъ онъ выросъ, не протянутъ ему дружественной руки. Съ другой стороны, цивилизація развила въ немъ, выросшемъ среди обезьянъ, тяготѣніе къ обществу себѣ подобныхъ, научила его искать дружескихъ отношеній.

Тарзану трудно было представить себѣ міръ безъ друга, безъ живого существа, говорящаго на новыхъ, такъ ему полюбившихся языкахъ. И поэтому Тарзанъ мало ожидалъ для себя отъ будущаго.

Размышляя такимъ образомъ, съ папиромъ въ зубахъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что передъ нимъ находится зеркало, отражающее столъ и сидящихъ за нимъ играющихъ въ карты 4 мужчинъ. Въ

этотъ моментъ одинъ изъ нихъ всталъ, собираясь видимо уйти, и подошелъ другой.

Тарзанъ понялъ, что онъ предложилъ замѣнить уходящаго, чтобы не прерывать игры.

Подошедшій былъ однимъ изъ 2 шептавшихся передъ курительной комнатою лицъ, именно тотъ, который былъ ниже ростомъ. Переменная игроковъ заинтересовала Тарзана и, оставивъ свои размышленія о будущемъ, онъ началъ внимательно наблюдать отражавшуюся въ зеркалѣ игру.

Кромѣ присоединившагося новаго игрока, Тарзану былъ еще извѣстенъ его *vis-à-vis*, графъ Рауль де Кудъ. О послѣднемъ говорили на пароходѣ, что онъ является выдающейся личностью и играетъ большую роль среди ближайшихъ помощниковъ французскаго военнаго министра. Одинъ фактъ приковалъ вниманіе Тарзана. Ушедшій было господинъ вскорѣ вернулся и сталъ за спинкою стула графа.

Тарзанъ замѣтилъ, какъ онъ, быстро осмотрѣвшись, но не обративъ, очевидно, вниманія на зеркало, отражавшее случайнаго свидѣтеля, осторожно вынулъ что-то изъ своего кармана и очень ловко сунулъ въ карманъ графа. Тарзанъ очень удивился видѣнному и напрягъ все свое вниманіе, чтобы не упустить ни малѣйшей подробности изъ того, что могло бы за этимъ послѣдовать.

Игра продолжалась еще минутъ 10.

Вдругъ Тарзанъ замѣтилъ, что стоявшій за стуломъ графа, сдѣлалъ движеніе головой. Тотчасъ же, недавно присоединившійся къ игрѣ партнеръ вскочилъ и, указывая на графа пальцемъ, заявилъ: „Если бы я зналъ, что этотъ господинъ профессиональный шулеръ, я никогда не принялъ бы участія въ игрѣ!“ Графъ и два другихъ игрока тоже вскочили. „Что Вы хотите этимъ сказать?“ вскричалъ графъ, сильно поблѣднѣвъ. „Знаете-ли съ кѣмъ Вы говорите?“ и, перегнувшись черезъ столъ, онъ ударилъ обвинителя по лицу. Два другихъ партнера бросились ихъ разнимать. „Здѣсь какое-то недоразумѣніе“, сказалъ одинъ изъ нихъ. „Вы вѣдь обвиняете графа де Кудъ, извѣстное лицо во Франціи!“ „Если я ошибся, я охотно извинюсь, но до этого графъ долженъ

объяснить наличие дополнительных картъ, которыя онъ опустил въ карманъ“. Въ этотъ моментъ господинъ, сунувшій, какъ догадался теперь Тарзанъ, карты въ карманъ графа, попытался незамѣтно уйти, но, къ своему крайнему неудовольствію, натолкнулся у входа на высокаго незнакомца съ сѣрыми глазами. „Pardon“ сказалъ онъ, намѣреваясь пройти бокомъ. „Обождите“ отвѣтилъ Тарзанъ. „Но для чего? Позвольте мнѣ пройти!“

„Не торопитесь“, отвѣтилъ Тарзанъ.

„Но для чего? Позвольте мнѣ пройти!“

„Не торопитесь“, продолжалъ Тарзанъ, „у меня есть основаніе думать, что Вы прекрасно можете объяснить возникшее между игроками недоразумѣніе“.

Вмѣсто отвѣта, неизвѣстный попытался было оттолкнуть Тарзана, но тотъ, улыбнувшись, схватилъ его за шиворотъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, поволокъ такимъ образомъ къ карточному столу.

Такъ началось знакомство Николая Рокова съ мускулами, давшими ихъ владѣльцу возможность выйти побѣдителемъ изъ борьбы со львомъ Нумой и большой обезьяной Теркомъ. Человѣкъ, обвинявшій де Куду, и другіе игроки выжидающе смотрѣли на графа, а только что происшедшая дикая сцена собрала нѣкоторыхъ пассажировъ, заинтересовавшихся развязкой.

„Этотъ человѣкъ, сумашедшій“, заявилъ графъ, „но тѣмъ не менѣе я прошу Васъ, господа, меня обыскать“.

„Обвиненіе нелѣпо“, замѣтилъ одинъ изъ игроковъ. „Однако достаточно опустить руку въ карманъ графа, чтобы убѣдиться въ вѣрности моего заявленія“, настаивалъ обвинитель. Такъ какъ никто не рѣшался начать обыскъ, то онъ добавилъ: „Я вижу — желающихъ нѣтъ. Прекрасно! Тогда я сдѣлаю это самъ!“ и съ этими словами онъ шагнулъ къ графу.

„Остановитесь, милостивый государь“, отвѣтилъ де Кудъ, „я позволю обыскать себя только джентльмену!“

„Нѣтъ никакой надобности обыскивать графа, такъ какъ карты дѣйствительно находятся въ его карманѣ. Я самъ видѣлъ, какъ онѣ были сунуты туда“.

Всѣ съ величайшимъ удивленіемъ обернулись къ сказавшему это и увидѣли стройнаго джентльмена, державшаго за шиворотъ отчаянно отбивавшагося отъ него человѣка.

„Они дѣйствуютъ сообща!“ съ яростью закричалъ де Кудъ. „Никакихъ картъ у меня нѣтъ!“ И съ этими словами онъ опустилъ руку въ карманъ. Воцарилось гробовое молчаніе. Вдругъ графъ поблѣднѣлъ и медленно вынулъ изъ кармана руку, держа въ ней три карты. Съ безмолвнымъ ужасомъ взиралъ онъ на нихъ и краска начала заливать его лицо. Презрѣніе и жалость отразились на лицахъ невольныхъ свидѣтелей его безчестья.

„Графъ совершенно правъ, здѣсь есть два сообщника“, опять вмѣшался незнакомецъ. „Господа!“ продолжалъ онъ. „Графъ не зналъ о наличии этихъ картъ въ его карманѣ. Онѣ положены туда безъ его вѣдома, когда онъ былъ занятъ игрой. Я сидѣлъ вотъ на томъ стулѣ и видѣлъ все въ зеркало. Этотъ человѣкъ, которому я помѣшалъ уйти незамѣченнымъ, положилъ карты въ карманъ графа“.

Тутъ только де Кудъ взглянулъ на истиннаго виновника.

„Боже мой, это Вы, Николай? И Вы?..“ обратился графъ къ своему обвинителю. „Безъ бороды вы мнѣ показались незнакомы, но теперь я узнаю васъ, Павловичъ! Дѣло совершенно ясно. Все въ порядкѣ, господа!“

„Что намъ дѣлать съ ними“, спросилъ Тарзанъ. „Не передать-ли ихъ капитану?“

„Нѣтъ, мой другъ“, поспѣшно возразилъ графъ. „Это мое личное дѣло, и я прошу васъ ничего не предпринимать. Достаточно, что доказана моя невиновность. Чѣмъ дальше мы будемъ держаться отъ этихъ господъ, тѣмъ лучше. Но какъ мнѣ благодарить васъ? Позвольте вручить вамъ мою карточку и, если я теперь или въ будущемъ могу быть вамъ чѣмъ-либо полезенъ, не забудьте, что я всегда къ вашимъ услугамъ!“

Тарзанъ опустилъ Рокова, который, вмѣстѣ съ Павловичемъ, поспѣшилъ покинуть курительную комнату.

Передъ уходомъ графъ еще разъ обратился къ Тарзану.

„Вы еще пожалѣете о своемъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла!“

Тарзанъ только улынулся, и, въ свою очередь, передалъ ему карточку, на которой графъ прочелъ:

„Джонъ С. Тарзанъ“.

„Г-нъ Тарзанъ, вамъ дѣйствительно не слѣдовало оказывать мнѣ эту услугу, т. к. этимъ вы возбудили вражду двухъ самыхъ отчаянныхъ негодяевъ во всей Европѣ. Избѣгайте ихъ, по мѣрѣ возможности!“

— У меня бывали болѣе страшные враги, уважаемый графъ,— возразилъ Тарзанъ съ спокойной улыбкой,— и все-таки, я до сихъ поръ живъ и невредимъ. Я не думаю, что эти два афериста будутъ въ состояніи когда-либо причинить мнѣ вредъ.

— Хотѣлось-бы надѣяться,— возразилъ де Кудъ,— но, все-таки, вамъ не мѣшаетъ быть на сторожѣ и не забывать, что сегодня вы приобрѣли, если не двухъ, то, по крайней мѣрѣ, одного врага, который никогда не забываетъ и не прощаетъ, тому, кто однажды его оскорбилъ. Умъ его всегда направленъ на самые ужасные виды мести. Назвать Николая Рокова дьяволомъ, это — означаетъ нанести оскорбленіе самому его сатанинскому величеству.

Вечеромъ, войдя въ свою каюту, Тарзанъ нашелъ на полу, вѣроятно, подсунутую записку, слѣдующаго содержания:

„Г-нъ Тарзанъ!“

Вы несомнѣнно, не отдавали себѣ отчета насколько серьезно было нанесенное Вами оскорбленіе, т. к. въ противномъ случаѣ вы не совершили бы Вашего сегодняшняго поступка. Однако я склоненъ думать, что Вы сдѣлали это по невѣдѣнію и безъ намѣренія оскорбить посторонняго для Васъ человѣка. Я готовъ, поэтому, принять Ваши извиненія, и, если Вы дадите обѣщаніе не вмѣшиваться болѣе въ дѣла, Васъ некасающіяся, то я согласенъ этимъ удовольствоваться. Въ противномъ-же случаѣ... Но я увѣренъ, что Вы окажетесь достаточно благоразумнымъ, чтобы принять мое предложеніе.

Примите и пр. Николай Роковъ“.

Насмѣшливая улыбка пробѣжала по губамъ Тарзана. Вскорѣ, однако, онъ забылъ о происшествіи дня и улегся въ постель.

Въ осѣдной каютѣ графиня де Кудъ разговаривала со своимъ мужемъ. „По-

чему ты такъ серіозенъ, Рауль?“ спрашивала она. „Весь вечеръ ты былъ очень мраченъ. Что за заботы у тебя?“

„Ольга, Николай находится здѣсь. Ты знала объ этомъ?“

„Николай? Этого не можетъ-быть: вѣдь Николай арестованъ въ Германіи!“

„Такъ думалъ и я, пока не увидѣлъ его сегодня вмѣстѣ съ тѣмъ, другимъ архинегодяемъ, Павловичемъ. Ольга, я не могу болѣе, даже ради тебя, выносить его преслѣдованій. Рано или поздно я выдамъ его властямъ. Право, я уже рѣшилъ еще до прибытія объяснить все капитану. Съ нимъ легко было-бы справиться на французскомъ пароходѣ и освободиться, такимъ образомъ, отъ этой нашей Немезиды“.

„Нѣтъ, Рауль“, воскликнула графиня, становясь на колѣни передъ мужемъ, сидѣвшимъ на диванѣ, съ опущенной головой. „Не дѣлай этого! Не забывай своего обѣщанія! Дай слово мнѣ еще разъ Рауль, что ты не поступишь такъ! Что ты даже не станешь грозить ему!“

Де Кудъ взялъ жену за руки, притянулъ къ себѣ и нѣсколько минутъ, точно желая прочесть въ прекрасныхъ глазахъ истинную причину этого заступничества, всматривался въ ея блѣдное испуганное лицо.

„Пусть будетъ по твоему, Ольга, но мнѣ это совершенно непонятно. Онъ потерялъ право на твою любовь, преданность и уваженіе. Онъ является угрозой твоей жизни и чести, а также чести и жизни твоего мужа. Дай Богъ, чтобы тебѣ никогда не пришлось сожалѣть о своемъ заступничествѣ за него!“

„Я не заступаюсь, Рауль. Я ненавижу его не менѣе твоего, но, мы, вѣдь, одной съ нимъ крови“.

„Сегодня я съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы анализъ этой крови. Эти оба молодца задались цѣлью обезчестить меня!“, и де Кудъ рассказалъ ей объ инцидентѣ въ курительной комнатѣ. „Если бы не незнакомецъ, никто не повѣрилъ бы моимъ объясненіямъ при видѣ картъ, вынутыхъ мною-же изъ собственнаго кармана. На одинъ моментъ я даже самъ усумнился, если бы не этотъ Тарзанъ, который указалъ намъ на твоего „драгоценнаго“ Николая и объяснилъ весь ходъ дѣла“.

„Тарзанъ?!“ спросила графиня съ большимъ удивленіемъ.

„Да. Ты его развѣ знаешь, Ольга?“

„Я видѣла его. Мнѣ показала его одна изъ горничныхъ“.

„Хмъ! Я даже не подозрѣвалъ, что онъ знаменитость своего рода!“

Такъ какъ графиня слегка покраснѣла, то мужъ посмотрѣлъ на нее неудомѣвающе—вопросительнымъ взглядомъ.

„Да,—подумала графиня,—нечистая совѣсть—пренепріятная вещь“.

Глава II.

Лишь послѣ обѣда Тарзанъ опять увидѣлъ пассажировъ, вмѣшаться въ дѣла которыхъ заставила его любовь къ правдѣ. Совершенно неожиданно столкнулся онъ съ Роковымъ и Павловичемъ въ наименѣе удобный для нихъ моментъ. Оба стояли въ почти пустомъ мѣстѣ на палубѣ и вели оживленный разговоръ съ какой-то дамой. Тарзанъ обратилъ вниманіе, что она шикарно одѣта и молода, однако, не могъ разглядѣть ея лица, закрытаго густой вуалью. Дама находилась между обоими мужчинами, и, т. к. къ Тарзану они стояли спиной, то онъ приближался незамѣченнымъ.

Роковъ, повидимому, угрожалъ, а дама умоляла его о чемъ-то. Но они говорили на незнакомомъ языкѣ и только по ея жестамъ Тарзанъ могъ опредѣлить, что дама была очень испугана. Поведеніе Рокова было такъ явно угрожающимъ, что Тарзанъ на минуту остановился вблизи этихъ трехъ людей, инстинктивно чуя опасность. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ Роковъ схватилъ даму за руку, точно желая посредствомъ физической боли вырвать у нея какое-то обѣщаніе. Что случилось бы далѣе, если бы Рокову удалось продолжать свое насиліе, неизвѣстно, на самомъ же дѣлѣ произошло иное. Крѣпкіе, какъ сталь, пальцы, впились въ плечо, и Роковъ былъ безцеремонно повернутъ. Онъ увидѣлъ холодные сѣрые глаза незнакомца, помѣшавшаго ему уже накануне.

„Sapristi! что это означаетъ? Вы сума-

шедшій что-ли, что вторично оскорбляете меня!“

„Это мой отвѣтъ на вашу записку“, сказалъ Тарзанъ, понизивъ голосъ. Затѣмъ онъ отбросилъ Рокова съ такой силой, что тотъ упалъ, ударившись о перила.

„Чертъ побери! Невѣжа, вы поплатитесь за это жизнью!“ и, вскочивъ на ноги, Роковъ бросился на Тарзана, стараясь выхватить изъ кармана револьверъ.

Дама съ ужасомъ отшатнулась.

„Николай, не надо, не дѣлай этого! Бѣгите скорѣе,—обратилась она къ Тарзану,—или онъ дѣйствительно убьетъ васъ!“

Но вмѣсто того, чтобы обратиться въ бѣгство, Тарзанъ приготовился вступить въ борьбу съ Роковымъ.

„Не поступайте, какъ безумецъ!“ крикнулъ онъ ему.

Между тѣмъ Рокову удалось выхватить револьверъ и онъ рѣшительно направилъ его на грудь Тарзана. Выстрѣла, однако, не послѣдовало, такъ какъ револьверъ оказался незаряженнымъ.

Стремительнымъ движеніемъ Тарзанъ схватилъ Рокова за руку, и оружіе полетѣло за бортъ. Одинъ моментъ и они стояли другъ противъ друга. Къ Рокову вернулось самообладаніе и онъ проговорилъ:

„Дважды этотъ господинъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться въ дѣла, его совершенно не касающіяся. Дважды онъ позволилъ себѣ унижить Николая Рокова. Первое оскорбленіе я счелъ основнымъ на недоразумѣній, но второго я не прощу. Если вы до сихъ поръ не знали, кто такой Николай Роковъ, то ваше сегодняшнее вмѣшательство покажетъ въ будущемъ, что у васъ будетъ достаточно оснований не забывать его!“

„Вы трусь и негодяй! Вотъ все, что я знаю о васъ“, отвѣтилъ Тарзанъ и повернулся въ сторону дамы, чтобы спросить ее, не причинилъ ли ей Роковъ какихъ-нибудь поврежденій, но она исчезла. Тогда, не взглянувъ даже на Рокова и его товарища, онъ медленно сталъ продолжать свою прогулку по палубѣ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Слѣдующій номеръ журнала „Эмигрантъ“ выйдетъ 1 августа и въ дальнѣйшемъ журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ—1 и 15 числа.

Театръ и Кино.

„Пассажъ“.

— „Тамара“ („Дитя горь“), драма, съ участиемъ извѣстной красавицы артистки Лиа де Путти и извѣстнаго артиста Пауль Отто, игра которыхъ производитъ сильное впечатлѣніе. Картина одна изъ новѣйшихъ—выпуска 1924 года.

Скоро въ театрѣ „Пассажъ“ намъ предстоитъ увидѣть одну изъ замѣчательнѣйшихъ фильмъ сезона, эта — „Теодора“.

„Казино“.

— „Карантинъ“ („Красная маска смерти“), драма въ 8 частяхъ съ участиемъ знаменитой красавицы Елены Маковской.

„Рекордъ“.

— „Искушеніе молодости“, съ участиемъ артиста Рихарда Бартельмеса, исполненіе котораго захватываетъ зрителя. Кто видѣлъ фильмъ „Дорога на дальній западъ“ и „Помятые цвѣты“, тотъ уже имѣетъ понятіе объ игрѣ вышеупомянутаго артиста. Кромѣ того, демонстрируется американская комедія въ 2 частяхъ. Надо отдать справедливость, что дирекція обладаетъ большимъ художественнымъ вкусомъ въ выборѣ картинъ.

„Грандъ-Марина“.

— „Онъ, она и Гамлетъ“, комедія, съ участиемъ новыхъ любимцевъ публики датскихъ комиковъ Патъ и Паташона, которая недавно шла въ „Пассажъ“. „Таковы всѣ мужчины“, фарсъ въ 7 частяхъ съ участиемъ извѣстнаго артиста Гарри Лидке. На сценѣ: „Флиртъ на лонѣ природы“, картина въ 1 дѣйствіи, въ исполненіи артиста Я. В. Пальма, съ его ансамблемъ.

Копилка курьезовъ.

Каламбуръ.

Мичмана Уггла государь Николай I зналъ и любилъ за его оригинальность.

Уггла встрѣтился съ нимъ на Англійской набережной, и тотъ перебросился съ мичманомъ нѣсколькими словами.

Только что государь отошелъ, выскочилъ изъ-за угла дома Риттера полицейскій офицеръ.

— Позвольте узнать, что вамъ говорилъ государь?

— А вамъ на что?—спросилъ его мичманъ гнусливымъ голосомъ.

— Намъ приказано допрашивать объ этомъ и доносить начальству.

— Государь сказалъ мнѣ: посмотри, Уггла, какая скверная полицейская рожка выглядываетъ изъ-за угла.

Въ судѣ.

— Обвиняемый, если хотя половина того, что показываютъ о Васѣ свидѣтели — правда, то Ваша совѣсть должна быть такъ-же черна, какъ ваши волосы.

Обвиняемый: Но, господинъ судья, если судить о совѣсти человѣка по волосамъ, то, пожалуй, придется сказать вамъ, что у васъ нѣтъ никакой совѣсти.

* * *

— Милостивый государь, вы съума сошли, какъ вы осмѣлились поцѣловать вчера вечеромъ на верандѣ мою дочь?!

— Да, признаюсь, сударыня: когда я сегодня разсмотрѣлъ ее при свѣтѣ, то я задалъ себѣ тотъ-же самый вопросъ.

Жена: Я такъ зла, такъ волновалась, изъ-за тебя, что чуть-чуть не умерла!

Мужъ: Но, послушай, милая, развѣ я виновать, что ты почти всегда не доводишь своего дѣла до конца.

Довоенная крепость.

... на днях Пепо*) заново отремонтировало заводъ „Старую Барварю“ и въ самомъ непродолжительномъ будущемъ выпускаетъ пиво довоенной крепости.

Изъ газетъ.

Разсававъ по карманамъ дензнаки,
Семь лимоновъ и триста косыхъ**),
Мы рѣшили устроить атаку
На одну изъ открытыхъ пивныхъ.

О, Калинкина влага святая!
О, нектаръ золотой Дурдина!
О, какой россиянинъ, скупая,
Не мечталь тебя выпить до дна!

Такъ напьемся, сомнѣнья оставивъ,
Мы для счастья совѣтской земли,
Всѣ военныя крепости сдачей оставивъ,
„Довоенную“ вновь обрѣли.

Такъ бряцайте российскія струны,
И ликуй пролетарскій „совдепъ“,
Вѣдь хотя провалилась коммуна,
Но зато благодѣнствуетъ „Непъ“.

Да, С. С. С. Р. совершенно окрѣпла
И священный огонь не потухъ,
Коль возникло, какъ Фениксъ изъ пепла,
То, чемъ прежде гордился нашъ духъ.

Вѣдь „Руси есть веселіе питу“,
Молвилъ древле Владимиръ сей спичъ,
И теперь „безъ того намъ не быти“.
Что-же ты скажешь, консервный Ильичъ?

Ограничимся пивомъ ли только,
Или дальше—пойдемъ мы потомъ.
Пусть откроютъ намъ сов—монополюку,
Съ молоткомъ и совѣтскимъ серпомъ.

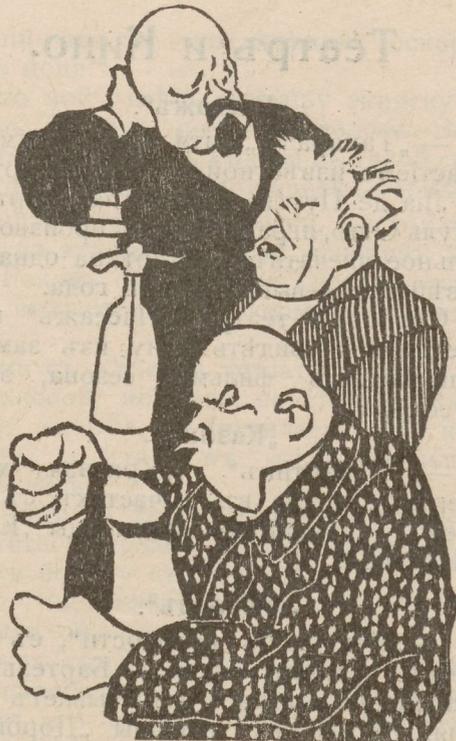
И тогда возрожденіе справимъ,
Если только дозволитъ намъ Рокъ.
Въ сов—мерзавчикъ ладонью ударимъ,
И сов—пробка взлетитъ въ потолокъ.

Если-жъ нѣтъ, то тогда полагаю,
„Сов—паденъе“ устроитъ Аллахъ...—
Но довольно, однако, кончаю,
Чтобы не очутится въ Крестахъ.

Ш. Н.

*) Пепо—Петроградское Единое Потребительское Общество.

**) Косыми называются кредитные билеты въ 1000 рублей изъ за поставленныхъ косо нулей.

Обратное дѣйствіе.

— Знаете, почему правительство уже теперь рѣшило позволить торговать во время выборовъ пивомъ?

— А почему?

— Потому что все, что сидѣло бы въ ресторанахъ безъ пива, голосовало бы отъ бѣшенства оппозиціонно.

Верхъ корректности.

— Г-нъ Шульцъ гуляетъ поздно ночью по далекимъ аллеямъ Екатериненталя. Вдругъ изъ подъ куста выростаетъ неизвѣстная фигура, хватается его за шиворотъ, даетъ нѣсколько зуботычекъ и торжествующе оретъ:

— Ага, попался мнѣ наконецъ, мерзавецъ!

Г-нъ Шульцъ, ошеломленный отъ изумления, но все-же сохраняя всегдашнюю корректность:

— Pardon, но здѣсь, кажется произошло недоразумѣніе—съ кѣмъ имѣю честь?..

Зубной врачъ.

— Если Вы, милостивый государь, не можете уплатить мнѣ за работу, то не будьте, по крайней мѣрѣ, нахаломъ и не смѣйтесь мнѣ въ лицо моими же зубами!

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

≡ СТРЕЛНИЦЫ ≡

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣе женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконостъ“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна 165 мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакимстальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку на платятъ.

В. НЕСТЕРОВЪ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ РАБОТЫ КЪ ВЫСТАВКѢ

эскизы, портреты и
вывѣски на стеклѣ

ИСПОЛНЯЕТЪ

В. НЕСТЕРОВЪ,
Ревель, Больш. Татарская 4,
Цинкографія ТАЛЬВИКЪ.
Телефонъ 8-10. — Телефонъ 8-10.

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ
„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ
25-11

Telefon
25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÖITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI